

Никто не замечает уборщицу. Уборщица замечает всё.

Алёна Алексина

СУТЬ

ВЕЩИ

CoRpus

18+

Победить зло
возможно,
маленький храбрый
хоббит способен
одолесть темного
властелина —
кажется, именно это
послание нам всем
так важно услышать
сегодня.

Галина Юзефович

Русский Corpus

Алёна Алексина

Суть вещи

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алексина А.

Суть вещи / А. Алексина — «Издательство АСТ»,
2023 — (Русский Corpus)

ISBN 978-5-17-157738-4

Блестящий математик Лиза зарабатывает на жизнь уборкой. Она не слишком хорошо понимает мотивы и поступки людей, иное дело — пожившие с людьми вещи: она мгновенно анализирует их особенности, узнавая об их хозяевах даже то, чего предпочла бы не знать. В отличие от людей, вещи никогда не лгут, уверена Лиза. Но однажды ее заставят усомниться в этом. Эту книгу можно читать по-разному: как захватывающий триллер, как роман воспитания и взросления, как философскую притчу и даже как дискуссию о единстве и противоположности музыки и математики. Впрочем, как бы вы ни прочли ее, хрупкая, но упрямая и бесстрашная Лиза навсегда займет место в вашем сердце. Содержит нецензурную брань. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-157738-4

© Алексина А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Эпизод 2280	6
Часть I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Алёна Алексина

Суть вещи

© Алёна Алексина, 2023

© Д. Черногаев, художественное оформление, 2023 © ООО “Издательство АСТ”, 2023

Издательство CORPUS ®

* * *

Победить зло возможно, маленький храбрый хоббит способен одолеть темного властелина – кажется, именно это послание нам всем так важно услышать сегодня.

Галина Юзефович

Представьте детектив, в котором и рассказчик, и жертва, и сыщик, и даже судья – человек дождя. Шансов на победу у него в этом мире еще меньше, чем у нас, а всё же он делает то, что должен.

У этой книги немало достоинств: отличная интрига и крепкий сюжет, но сильнее всего меня впечатлили именно главная героиня и точная авторская оптика. Отличная книжка, я читала взахлеб.

Яна Вагнер

Героиня Алены Алексиной уязвима и беззащитна. Зло, которому она бросает вызов, казалось бы, неодолимо. Однако вопреки всему, вопреки самой надежде героиня вступает в битву – и одерживает победу, причем не только над злом, но и – в первую очередь – над собственными демонами, над своей уязвимостью.

Галина Юзефович

* * *

Каждая вещь уязвима.

Иосиф Бродский.

Новая жизнь

К тебе плыву я, все сокрушающий, но не все покоряющий кит; до последнего бьюсь я с тобой; из глубин ада я вонзаюсь в тебя; во имя ненависти исплюю я последнее дыхание на тебя.

Герман Мелвилл.

Моби Дик

Эпизод 2280

Лиза обернулась к телевизору, но фильм прервали не ради рекламы. На экране дрожало лицо ведущей. “Прослушайте экстренное сообщение”, – сказала она, и Тим прибавил звук. По экрану поползла линия субтитров: “сообщает прессслужба ГСУ СК РФ по Пермской области. По словам очевидцев, неподалеку от Городской клинической больницы № 2 злоумышленник напал на”. В этот момент на экране появилось увеличенное фото – черно-серые зерна, скошенный уголок.

Лиза всмотрелась – и резко выдохнула. Потом еще раз. Страх переместился в пальцы. Она с силой провела ладонями по шершавым рукавам толстовки и по грубому льну брюк. Накатила тошнота и одновременно с ней – желание немедленно набрать бегущий вдоль экрана номер. Она потянулась было за телефоном, но вспомнила, что его пришлось отдать.

Тем временем ведущая продолжала: “Обстоятельства похищения сходны с событиями, происходившими в Пермской области более двадцати лет назад. В городе и области объявлен план «Перехват»”.

Даже хорошо, что телефона нет. Что Лиза сказала бы, позвонив?

Здравствуйте, сказала бы Лиза. Бабушка хорошо воспитала Лизу. Лиза воспитанная.

Лиза точно знает, чья это фотография, определенно сказала бы Лиза.

На всякий случай она ощупала карман. Паспорт был на месте. Если бы только у нее был телефон. Лиза глянула на Тима и тут же отвела глаза. Он подошел и зачем-то похлопал ее по плечу.

– Бить нельзя, – пробормотала она, отстраняясь, и Тим, помедлив секунду, молча вернулся на свое место и снова уставился на один из мониторов.

Ей очень не хватало света, воды и возможности убежать. Во что она впуталась? Что теперь будет? Еще вчера она азартно просчитывала схемы и способы, но теперь пыль и темнота этой маленькой комнаты поймали ее; выхода не осталось.

Лизино фото исчезло с экрана. Продолжился фильм. Тимур убавил звук. Лиза изо всех сил сосредоточилась на еле слышном звоне своих браслетов. Лишь бы не закричать.

Часть I

Вещь не есть сознание вещи.
Алексей Федорович Лосев.
Самое само

Эпизод 2261

Вещи в гостиной не слишком-то разговорчивы. Это и неудивительно – гостиная напоминает операционную больше остальных комнат: белоснежные стены, чью безупречность не так просто сохранить, когда в семье двое небольших детей; выстеленный отбеленным дубом, будто отскобленный пол, слишком маркий, чтобы ходить по нему или – совсем уж дикая фантазия! – завести детям собаку; обманчиво мягкая молочного цвета мебель с никелированными ножками и подлокотниками, на которые нельзя класть локти, иначе пятно. Среди прочего в обязанности Лизы входит ежедневно возвращать металлу сияние, а в те дни, когда ожидаются важные гости, Владимир Сергеевич требует пройтись по подлокотникам прямо перед приемом, хотя все бесполезно: едва уловимый нежный запах полироля мгновенно перебивается вонью виски и жареного мяса.

Гостиную проектировал какой-то известный дизайнер. Пытаясь ее оживить, он перечертил потолок балками – тоже белого дуба, разумеется, – а под огромным телевизором установил камин. Не слишком-то настоящий, как и всё в этом доме.

Яся любит посидеть у огня, так что зимой Лиза ежедневно заливает в тщательно замаскированное искусственными камнями отверстие специальную жидкость. Помимо обязательных латексных перчаток, которые Лиза то и дело меняет на новые, для камина она надевает еще и очки, чтобы, если брызнет в глаза, не пришлось промывать их проточной водой. Лиза не терпит прикосновений, тем более к глазам, тем более проточной воды. При мысли о воде в глазах ее передергивает.

Тыльной стороной кисти она глубже надвигает очки и тщательно целится: лить нужно аккуратно, медленно, чтобы никаких капель вокруг. Поднесешь горящую спичку – и жидкость на камнях загорится почти настоящим огнем, но такой огонь смущает Лизу, и она старается на него не смотреть. А вот от козы отвести взгляд не получается – она как раз очень настоящая, хотя совсем не живая. “Козой” и “моей зверюшкой” Владимир Сергеевич зовет рогатый олениный череп, висящий над черной дырой экрана. Владимир Сергеевич так им дорожит, что угрожал уволить дизайнера, если тот не сумеет вписать козу в интерьер. Рассказывая об этом, Владимир Сергеевич похотывает и засовывает руки глубоко в карманы домашних штанов.

Время от времени он взбирается на низенький угол камина, чтобы проверить, хорошо ли вытерта пыль: неторопливо проводит рукой по изгибам рогов и шарит пальцем в глазнице, отчего-то всегда в левой. Вот на это Лиза совсем не может смотреть. Лучше уж завитушки на камине протирать, чем смотреть на такое.

Владимир Сергеевич любит упомянуть, что искал идеальный череп и идеальные рога, а потому пришлось убить целое стадо оленей, чтобы было из чего выбирать. Выбирать следует только наиболее совершенное, повторяет он. В ряду прочих идеальных вещей, которыми с гордостью обладает Владимир Сергеевич, важное место занимает Яся, его жена. Когда Владимир Сергеевич заговаривает о совершенстве Яси, Лиза невольно воображает целую толпу Ясь, из которых он придирчиво выбрал свою. Хорошо, что ее не потребовалось вешать над камином, не то пришлось бы перебить целую толпу идеальных женщин.

Лиза беззвучно скалится, но потом одергивает себя – Яся Васильевна хорошая, не стоит такое воображать. Наверное, Владимир Сергеевич даже любит ее, потому что охотно терпит немногие проявления ее несовершенства – например, смехотворную любовь к вышивке. То и дело на диванах появляются живые подушки: разнокалиберные, яркие, с кистями и вышивкой. Яся дарит диванам – то одному, то другому – по одной подушке в год. Всего подушек одиннадцать. В обязанности Лизы входит, узнав о предстоящем приеме гостей, надеть на подушки льняные чехлы в цвет сизалевого ковра. Яся пыталась протестовать, но Владимир Сергеевич рассердился и сказал, что без чехлов на подушках гостиная выглядит неоднородно и разномастно. Слишком живенько. Яся вздохнула и подчинилась.

Слово “мещанство” никто не произносит, потому что и само оно основательно скомпрометировано благородной нищетой, которая без приглашения явилась к прадеду Владимира Сергеевича, профессору Дервиенту, бестрепетно вспорола брюшки всем двенадцати венским стульям – с парадной атласной или практичной гобеленовой обивкой – и заменила их тремя плохо сколоченными и небрежно ошкуренными табуретами, одному из которых пришлось быть еще и колченогим. Но в том, что Владимир Сергеевич, морщась при виде вышитых диванных подушек, подразумевает именно мещанство, сомнений нет. По крайней мере, у Лизиной бабушки. А Лизе вообще все равно.

Лиза приступает к уборке не сразу. Требуется особый настрой, чтобы пуститься в это плаванье: обмирая,ходишь в воду, останавливаешься на небольшой глубине, вода уже доходит до талии, а выше, где диафрагма, – самое теплолюбивое, самое уязвимое местечко, и ты ежишься и не решаешься ринуться в глубину, но потом совершаешь над собой усилие, и оно всегда бывает значительнее, чем тот крохотный шажок, который приходится сделать физически.

От настроения зависит целый день, поэтому некоторое время, сменив перчатки после заправки камина, Лиза пытается его поймать. Сегодня для этого требуется переложить подушки так, чтобы они лежали по убывающей: от самой большой, квадратной, с прованским пейзажем, до самой маленькой, продолговатой, с изящной веткой цветущей сирени.

Выравнивая подушки по линиям трех взаимно перпендикулярных плоскостей, Лиза замечает на одной из них длинные волоски. Конечно, Катюшины. Они впутались в вышитый лепесток и почти незаметны, но теперь Лиза о них знает, а значит, придется извлекать. Латекс перчаток цепляется за волоски и противно скрипит, так что Лиза вздыхает и стаскивает перчатку. Она прикасается к подушке сморщенными кончиками пальцев, вглядывается в рисунок – и начинается разговор.

О том, что Лиза разговаривает с вещами, знает только Митя. Хотя это больше похоже на кино, чем на беседу, но чтобы объяснить все бабушке, пришлось бы, наверное, начать с комиксов. Когда комиксы только появились, бабушка скупала их пачками и изучала вместе с маленькой Лизой, подробно объясняя каждую позу и фразу, тренируя Лизу понимать, как выглядят люди, когда скупают, обижаются, хвастаются или сердятся. Лиза так до конца и не научилась распознавать чужие эмоции, зато обзавелась обширной библиотекой образов и сравнений, которая здорово помогает, когда совсем ничего не понимаешь, а объяснить нужно.

С вещами таких сложностей у Лизы не случается. Если задержать на чем-нибудь взгляд – на чем угодно, будь то старенькая кукла или обшарпанный пластиковый брелок, – вещь тут же начинает сыпать неясными образами. Чаще всего бессвязные обрывки, конечно. Но иногда, редко, если как следует сосредоточиться и прикоснуться рукой, чтобы заякориться попрочней, вещь рассказывает историю.

В детстве Лиза представляла, что она супергероиня, наделенная необыкновенным даром. Став старше, она перестала считать себя необычной. Кто-то зачитывается толстыми романами, а Лиза предпочитает вчитываться в вещи, ничего особенного. Бабушка утверждает, что таких, как Лиза, полным-полно. Они не понимают шуток, не любят чужого общества и прикоснове-

ний, редко заводят семью, зато – наверное, в качестве небольшой компенсации – безупречно рисуют города по памяти, или сочиняют музыку, или знают много языков. Лизе, к примеру, достались числа. А еще разговоры с вещами, раз уж с людьми не слишком-то получается, добавляет Лиза про себя. В остальном-то бабушка знает ее вдоль и поперек, и Лизе становится щекотно, когда она думает об этой своей недомолвке.

Иногда Лиза представляет свой мозг отдельным существом, подселившимся в ее пустую голову, – засел в черепной коробке, умный и важный, и быстро-быстро, с математической точностью просчитывает все варианты событий, а потом демонстрирует ей результат. Вполне возможно, что мозг при этом чувствует “гордость” – как кот, притащивший мышь в подарок хозяйке, – но Лиза не знает наверняка.

Лиза много экспериментировала и усвоила: чтобы увидеть кино, надо просто обратить на какую-то вещь внимание. Наверное, думает она, читать вещи мог бы каждый, если только сумел бы по-настоящему их увидеть. Это как у некоторых с книгами, думает она. Буквы в слова складывают многие, даже Лиза умеет. Но перенестись в книгу и увидеть картинки – о таком она только слышала, у нее самой никогда не получалось. Слова шалят, разбегаются по строчкам, не хотят складываться в картинку, даже врут иногда. Иное дело – вещи.

Лиза берет в руки подушку и замирает: она видит Ясю с иголкой и пальцами в руках. Яся укололась. Крохотная капелька крови медленно падает на неоконченный лепесток пиона. Яся вздыхает, откладывает вышивку и выходит из комнаты. И тут же к пальцам подбегает Катюша. Она очень торопится: ей тоже хочется попробовать. Мама недавно купила ей собственный набор для вышивания, но там ужасно глупый рисунок – мишка и воздушные шарик, всего-то четыре цвета, как для малышни. А Катюше ужасно хочется огромный сложный пион, который составлен, кажется, из тысячи оттенков.

Девочка хватается пальцы и торопливо делает пару стежков – то-то папа удивится и обрадуется, когда она расскажет ему, что помогала вышивать! – но слышит мамин шаг, пытается отбросить пальцы и обнаруживает, что второпях захватила стежком несколько волосков, будто пришила себя к пиону. Мама увидит – заругает. Катя дергает сильнее, чуть слышно ойкает и едва успевает отпрыгнуть от дивана, когда в комнату входит Яся, задумчиво посасывая большой палец. Катя невольно хохочет – ну, мама, ты как маленькая! Яся мельком глядит в начищенную стенку камина – и тоже хохочет. Они обнимаются и затевают шуточную возню на диване.

На секунду Лизе кажется, что это ее щекочет и тормозит мама, она вдыхает теплый, давно забытый мамин запах – и все привычно скручивается внутри... Лиза возвращает подушку с пионом на место и надевает новую перчатку. Пора за работу.

Существует раз и навсегда утвержденный порядок: пока Яся гуляет с Катей и Федечкой, Лиза должна быстро убрать в их комнатах и привести в порядок кухню, а уж потом, когда Яся вернется, а Владимир Сергеевич, напротив, уедет консультировать, можно будет заняться той половиной, где он принимает пациентов: кабинетом, смотровой и процедурной. Даже когда он в отъезде, как сейчас, Лиза строго держится плана.

Владимир Сергеевич ужасно храпит, а потому позволил жене отдельную спальню и даже разрешил обставить ее по своему вкусу: мягкие линии и ткани, пастельные цвета, фарфоровая балеринка на шербоатом постаменте... Правда, Яся здесь почти не бывает, обычно она днюет и ночует у Федечки.

В комнате Яси Лизе спокойнее, чем в остальных, но она не может находиться тут подолгу: не выносит мягких прикосновений шелка и плюша – ощущение такое, будто с нее сдирают кожу, ладони подолгу саднят потом. Лиза развешивает отглаженную одежду по шкафам, чистит ковер, вытирает пыль и сбегает на кухню.

Кухня тоже хранит Ясино тепло, но здесь, кажется, нет ничего гладкого. Не слишком удобно убирать, зато доставляет Лизе массу приятных ощущений: шершавый камень разде-

лочной панели, неровное брашированное полотно обеденного стола, а самое главное – металлическая губка для мытья посуды.

У Лизы много ритуалов, они помогают держаться на плаву и даже немножко двигаться куда нужно. Покупка металлической губки – один из незыблемых столпов ее бытия. Лиза всегда смеется, думая о губке такими словами, но вообще дело именно так и обстоит – в каждый новый дом Лиза приходит с одной только губкой. И если у старичков Кузнецовых частенько приходится пользоваться ею – Евгения Николаевна видит плоховато и о пригоревшей овсянке узнает только по сильному запаху, – то в Ясином доме – Лиза так и не научилась называть его иначе, – в Ясином доме губка лежит совершенно нетронутая: готовит Яся сама, и у нее никогда ничего не пригорает. А посуду вечером моет специальная большая машина.

Кажется, кухня в Ясином доме – место, которое умудряется угодить обоим супругам. Просторная электрическая плита, шкафчики темного дерева, стены, облицованные уютной плиткой с пастушками, кораблями и мельницами... Она нарядная, как Яся, и современная, как нравится Владимиру Сергеевичу. И каждая вещь не замолкая рассказывает о том, какие счастливые здесь живут люди.

К стенке прислонились разделочные доски – деревянные, с выпуклым от долгого использования рисунком. Яся не разрешает убирать их в шкаф, держит на виду, и Лиза понимает почему: на них очень приятно смотреть. Та, что поменьше, – черная, а большая – почти рыжая, цвета молодого фундука. Края у досок неровные, кое-где сохранилась кора.

Лиза гладит шершавый край, любит плавными переходами цвета на поверхности доски, и вот уже Владимир Сергеевич, не торопясь, тоненько нарезает мясо, а Яся откупоривает бутылку вина. Владимир Сергеевич говорит что-то, и оба дружно хохочут. Яся буквально складывается пополам от смеха, и несколько капель вина выплескивается на стол и на пол. Лиза съезживается, ожидая взрыва недовольства, но Владимир Сергеевич снова хохочет, отрывает от рулона несколько бумажных полотенец и аккуратно промокает капли, а другой рукой тут же легонько касается кончика Ясиного носа, вздергивая его чуточку вверх, и вот уже на ее лице снова появляется улыбка – постепенно, как проступает изображение на фотобумаге, опущенной в проявочную кювету.

Катюша тащит из холодильника вишневый сок. Владимир Сергеевич достает из серванта третий бокал, наливает в него сока. Федечка мычит в своем креслице, и тогда Владимир Сергеевич достает бокал и ему, все толпятся вокруг Федечки и, принаравливаясь к его неловким движениям, хохоча и радуясь чему-то, чокаются. Владимир Сергеевич с улыбкой ерошит волосы сына. Улыбка Федечки скорее похожа на гримасу, но он котенком тянется за отцовской рукой.

Лиза с трудом отрывается от разделочных досок и встряхивается. Нужно работать, а она тут засмотрелась на чужую семью.

Взгляд цепляется за коробку с серебряным гарнитуром на двенадцать персон. Завтра Владимир Сергеевич вернется из командировки, и в доме после долгого перерыва снова будут гости. Яся просила убедиться, что серебро отполировано как следует. Но серебро – долгая и приятная возня. Можно оставить ее на потом. А вначале кабинет.

Лизе туда смертельно не хочется, да, по правде говоря, и убирать-то там почти нечего. Влажной тряпкой протереть идеально пустой стол, на котором ничего, кроме лампы, монитора и клавиатуры, пройти по верхам стеллажей с медицинскими фолиантами, тщательно обработать антисептиком массажный стол, влажной, а затем сухой тряпкой пройти по идеально гладкому паркету. Раз в месяц Лиза моет потолочные плафоны и протирает висящий под потолком кондиционер. Сегодня как раз время плафонов. Проще простого. Но Лизе всегда не по себе. Она в принципе не любит ничего медицинского, и, хотя все детство бабушка таскала ее по врачам, Лиза так к этому и не привыкла. А может, потому и не привыкла, что почти каждая неделя была отравлена очередным визитом к очередному светилу, который разденет и станет

щупать ее, тыкать там и сям, долбить молоточком, заставлять делать то и это. Лиза не терпит чужих прикосновений: она сразу чувствует себя малышом-голышом в медицински холодных руках. И тут, в насквозь стерилизованном пространстве, она то и дело морщится и ежится.

Лиза начинает мыть массажный стол, но вдруг замирает в тревоге: на краю стола надорвана обивка. Неровная, едва заметная царапина тянется от края к центру, будто указатель. А в центре – какое-то странное, почти незаметное белесое пятно. Лиза изучает бежевую кожу обивки внимательно, как карту, и находит еще несколько почти параллельных царапин. Кое-где кожа смята, будто ее сжали и долго держали в таком состоянии. В механизме подголовника застряло несколько тонких детских волосков. В корзине для грязного белья Лиза находит простыню, машинально растряхивает ее двумя руками и охватывает взглядом поверхность. Она усеяна мелкими коричневыми брызгами и задубевшими бесцветными пятнами покрупнее. Под простыней в корзине лежит рваная резиновая лента. Чтобы не видеть ее истерзанных краев, Лиза снова опускает на нее простыню. Она и раньше находила и заносила в таблицы царапины, волосы и пятна, грязные простыни и другие странные предметы, но никогда – сразу все это.

Лиза пристально всматривается в обивку стола и чуть поднятый подголовник, затем опускает его вровень с остальной поверхностью. Аккуратно, чтобы не сделать больно, высвобождает волоски. На столе лежит худенький мальчик в одних трусиках. Он явно мерзнет: скрученные спазмами ноги покрыты мурашками, он конвульсивно водит по коленкам руками, хнычет, жмется к стене. У стола стоит Владимир Сергеевич. Лицо его набрякло румянцем, глаза сощурены. Владимир Сергеевич расстегивает верхнюю пуговицу халата. Внезапно мальчик начинает кричать. Владимир Сергеевич не двигается, не пытается успокоить ребенка, и Лиза догадывается почему: в кабинете отличная звукоизоляция, да и что удивительного, что он кричит? На приеме у остеопата многие недовольны. Распахнув халат, Владимир Сергеевич молча наблюдает за плачущим ребенком и лениво поглаживает вздувшиеся в промежности брюки, затем резкими движениями расстегивает ремень, и пуговицу, и крючок, и молнию и стягивает брюки вместе с трусами.

Судорожным рывком Лиза отдергивает взгляд от массажного стола и переводит его за окно, на тощие, будто посиневшие от холода и страха деревья. Она разрешает себе не досматривать страшные фильмы. И если в прошлый раз она еще сомневалась, то теперь уверена: этот – очень страшный. Пустые места в ее таблицах заполнены неопровержимыми доказательствами.

Чтобы успокоиться, у Лизы есть логарифмическая линейка. Круглая – так гораздо удобнее. Лиза представляет прозрачный визир линейки, двигает его туда-сюда – визир катится свободно и бесшумно. Некоторое время она наблюдает, как неровное, будто вручную выплавленное стекло визира преломляет цифры, на которые попадает.

Лиза очень любит цифры. Они постоянны и неизменны. Например, единица всегда останется единицей – даже если небо рухнет на землю. Эта простота, эта ясность успокаивают Лизу. Оттирая кожу массажного стола, она торопливо возводит двести восемнадцать в одну тринадцатую степень и мысленно выписывает ответ – цифру за цифрой, до пятнадцатого знака после запятой. Лиза довела свои движения до автоматизма и теперь даже может представить, как скрипит перышко, как расплываются по бумаге чернила. Сегодня они светло-серые и едва видны на такой же серой странице из школьной тетрадки в клетку. Некоторые цифры приходится обвести дважды. Лиза нажимает чуть сильнее – и перо прорывает повлажневшую бумагу.

Дыхание никак не выравнивается.

Лиза мысленно комкает страничку, потом внезапно расправляет и складывает из нее самолетик. Она представляет, как он летит далеко-далеко и пропадает за горизонтом.

Прошлое со временем меняется. Будто стареет картина. Какие-то пигменты менее стойкие, они исчезают первыми. Оставшееся распадается на части, и Лиза вертит эти части так и сяк, пытаясь приспособить к делу, но получается как с разобранным на винтики механизмом – всегда остаются лишние детали. Воспоминания Лизы сложены из фактов, а факты собраны впе-

чатлениями и спаяны в витраж. Получившийся каркас образует материю прошлого – и именно он исчезает первым, оставляя факты висеть в пустоте. Иногда Лиза перебирает воспоминания, как мамины бусы-баламуты. Чего там было больше – счастья или тоски? Одно Лиза знает точно: чем ярче тогда было счастье, тем глубже будет тоска по нему потом.

Однако мозг Лизы не любит перемен. И кое-какие воспоминания Лиза оставляет нетронутыми, неразобранными. Они выглядят как идеальные стеклянные сферы – бусины без отверстий, которые не нанизать. На каждой бусине выгравированы числа, а внутри бесконечно и навсегда происходит что-то хорошее или что-то плохое – обязательно то, что Лиза решила сохранить в неприкосновенности. Единственное, что она себе разрешает, – время от времени задержать взгляд на одном из этих шаров, проникнуть внутрь него, окинуть взглядом пространство, задерживаясь на самых незначительных деталях, чтобы и они остались в шаре надолго, навсегда.

Одна из таких сфер-бусин – окончание школы. Лизе пятнадцать. Уже понятно, что она вырастет высокой, а пока она на голову ниже семнадцатилетних одноклассников, но никто не смотрит на нее свысока, никто не смеется и не выгоняет ее. Здесь она своя.

Двум ее одноклассникам вручают золотые медали, шестерым – серебряные. Лиза тоже хотела бы получить медаль, но ей не положено – учительница по русскому едва натянула Лизе тройку. Лиза, хихикая, представляет, как Вера Александровна, побагровев от натуги, вдевает длинные Лизины ноги в эту свою тройку, как в бабушкины трико, прямо поверх Лизиних брюк, тянет и тянет ее вверх, а потом, уже у подмышек, туго затягивает резинку. Дышать в тройке тяжело, и только Вера Александровна отвернется, Лиза с облегчением из нее выпутывается. Тогда все приходится начинать заново. Разглядывая аттестат, Лиза решает закрасить ряды троек, чтобы остались только те, что с пятерками – по математике, геометрии, физике, химии, черчению, и вместо тугих бабушкиных трико ей тоже дали медаль, но отвлекается и забывает об этом.

Следующая бусина – университет. Точнее, день, когда они с бабушкой отправляются подавать документы.

Увидев Лизу, секретарь приемной комиссии, тетка невинного возраста с опухшими глазами, внезапно с силой отъезжает на кресле от стола. “Злость” или “удивление”?

Лиза смотрит в сторону, пока бабушка молча раскладывает перед теткой пасьянс, только вместо карт – Лизин аттестат и бесчисленные дипломы победителя олимпиад – районных, городских, всероссийских...

Лиза вдруг беззвучно ахает: кто ей скажет, сколько их? Она бросается к столу, сгребает бабушкин пасьянс и перебирает, пересчитывает. Дипломы красивые, Лиза помнит каждое лицо. Вот темно-синий, как рисуют поздневечернее небо, с золотыми буквами-звездочками. Он дольше всех стоял у Лизы в комнате, прежде чем исчезнуть. Значит, бабушка не выбрасывала их, а аккуратно собирала, чтобы потом предъявить этой тетке!

Лиза считает дважды. Получается тридцать пять, с аттестатом-тузом – тридцать шесть. Красиво. Лиза наслаждается приятной гладкостью и тяжестью увесистой стопки, прижимает ее к себе. В этой колоде сплошные козыри, и Лизу охватывает ощущение всемогущества. Но бабушка выдергивает стопку из ее рук (“гнев” или “нетерпение”?), и Лиза, неохотно позволив забрать дипломы, снова отходит в сторону и мысленно возвращается к нумерации эпизодов. Этот эпизод – случайно ли? – тысяча двадцать четвертый.

Лиза находит успокоение в каждом фрагменте тысячи двадцати четырех. Это ее любимое число, маленький куб-килобайт, два в десятой степени, а в двоичной системе счисления – единица с десятью нулями. Почему-то Лизе кажется, что оно, как никакое другое, передает ее собственную сущность – единица, да, но с таким количеством нулей. Когда Лиза думает об этом, она чувствует себя на неогороженной площадке высоченной башни – и страшно, и щекотно, и немножко подводит живот.

Годы, на которые приходится очередной тысячный эпизод, запоминаются лучше остальных. Бабушка говорит: врезаются в память, и Лиза очень хорошо понимает и даже ощущает, как это – врезаться в память. Она представляет свою память куском говядины, распростертым на выщербленной, побелевшей от времени деревянной доске. А эпизоды – огромным ножом взбесившегося мясника. Он кромсает им мясо почти не глядя. Иногда не попадает совсем, иногда едва задевает, а иной раз нож проходит до самой доски, распластывая мясо памяти на до и после. По странному совпадению, именно таким бывает каждый тысячный эпизод.

Первый пришелся на год ее пятнадцатилетия. Тогда она окончила школу и поступила в университет. Двухтысячный – на двадцать шесть, и Лиза не хочет даже вспоминать о нем. Насыщенный был год, целых сто двадцать четыре эпизода. Хотя именно тогда она познакомилась с Митей. Не бывает плохого без хорошего, говорит бабушка.

Хуже всего Лизе пришлось, когда пропала мама, – и эпизодов набралось целых сто пятьдесят девять. Именно тогда Лиза начала их считать. Когда закончились эпизоды в настоящем, Лиза залезла в прошедший год, где остался последний радостный день рождения, и пересчитала эпизоды там. От мыслей о маме не отвлеклась, но смогла вынести себя за скобки. В следующем году стало полегче, всего сто четырнадцать эпизодов. И с тех пор их все меньше. В прошлом году было всего-то сорок восемь. Жизнь становится все проще. Почти обычная жизнь, почти ничего не происходит, и это хорошо.

Хотя бывало и по-другому. Десять лет назад, в девятнадцать, выдался год не из легких. Сто сорок два эпизода. Больше, чем можно выдержать. Пришлось принять несколько важных решений. Тяжелых, но правильных, верит Лиза. Во-первых, она бросила университет. Во-вторых, нашла себе работу по душе – теперь Лиза помогает людям заботиться об их вещах, находить с ними общий язык. И с тех пор эпизодов все меньше. Если не считать того года, когда она впервые попала в полицию.

Бабушка говорит, Лиза уже накопила на приличную киноэпопею. “Настоящая Санта-Барбара, – говорит бабушка и улыбается. – Шутка ли – двадцать три сезона”. Лиза не понимает, но улыбается тоже. Улыбаться – это хорошо и правильно, говорит бабушка. Тренируйся, говорит бабушка.

Нынешний год тоже собирался стать обычным. К концу ноября набралось только тридцать четыре эпизода. Совсем немного. Но иногда все может измениться в один день. Так было, когда Лизе исполнилось семь лет, четыре месяца и девять дней – и вдруг пропала мама. Так было, когда Лизе исполнилось девятнадцать лет, восемь месяцев и два дня – и вдруг выяснилось, что она не может оставаться в университете.

Нужно гнать от себя тяжелые мысли, говорит бабушка. Лиза старается.

Лиза старается, но мысли о кричащем мальчике не уходят из головы. Не получается отвлечься ни на что другое. Вещи и раньше рассказывали о Владимире Сергеевиче всякое. Простыни, измазанные кровью и калом. Мерзкие жесткие волосы, иногда пучками. Сразу пара разорванных надвое, будто разгрызенных кожаных ремней. Но в этих рассказах никто никогда не кричал. Сейчас Лиза не понимает: возможно ли, что она всегда позволяла себе не досматривать?

Одно точно: раньше Лизе казалось, Владимир Сергеевич любит детей. Не совсем обычно, не совсем так, как бабушка любит Лизу, но... Но, в общем, она не думала, что он делает с ними что-то плохое. Хотя на всякий случай составила себе несколько таблиц, в которые занесла все тревожащие ее моменты.

Моментов оказалось немало, они все копились, никак не складываясь в единую картинку, поэтому Лиза просто заполняла ячейки таблиц, ожидая, пока на ее вопросы найдутся ответы. Наконец ответ появился. Один, но совершенно ясный. Лиза твердо усвоила: если кто-то кричит еще до того, как до него дотрагиваются, значит, дальше будет еще хуже. Да, Лиза далеко не

всегда понимает, что именно человек чувствует и почему он делает то или это. Но почему кричит мальчик, когда мужчина снимает перед ним брюки, Лиза знает точно.

Детей к Владимиру Сергеевичу приводят родители. Насколько Лизе известно, он очень известный, авторитетный специалист. Лиза много раз слышала, как Владимир Сергеевич рассказывает Ясе, что замотался и все равно ничего не успевает, приходится отказывать пациентам. В ящике стола к концу месяца накапливается толстенная стопка аккуратных квитанций. Прием стоит баснословных денег. Если бы Лизе вдруг понадобилось к нему обратиться, пришлось бы копить. Лиза совершенно не понимает, почему желающих лечиться у Владимира Сергеевича не становится меньше, ведь он никогда никого не вылечил.

Она видит много детей, которые выглядят так, будто им уже ничем не помочь: детей со скрюченными, вечно сведенными судорогой ручками и ножками, детей с бессмысленным взглядом, которые не могут ни ходить, ни говорить, детей с малюсенькими головами на длинных худощавых тельцах. Владимир Сергеевич не может дать им новую, более подходящую голову или крепкое, свободное в движениях тело. Раньше Лиза думала, что, наверное, Владимир Сергеевич дает детям свою любовь и это им помогает, избавляет от боли или страха. Но теперь, увидев мальчика, который все кричит и кричит в ее голове, она не верит, что такая любовь в силах исцелить хоть кого-то.

Эпизод 2262

Лиза сбегает из кабинета. Остались плафоны, она помоеет их позже. Нельзя сейчас смотреть на массажный стол – Лиза чувствует, что начинает разрушаться. А ее цель – сохранить себя целой. Бабушке очень важно, чтобы Лиза оставалась целой. Целой и эффективной.

“Пенсия – просто смех”, – устало говорит бабушка, возвращаясь с почты. Лиза совсем не понимает, что же тут может быть смешного. Она вглядывается в бабушкино лицо, выискивая там улыбку, но улыбки нет, и Лизе приходится улыбаться за двоих. Тогда бабушка осторожно гладит ее по голове и вздыхает. Лиза терпит.

Лиза должна работать, вести себя спокойно и хорошо, тогда у бабушки будут все нужные лекарства, а еще иногда всякие глупости – это бабушка так говорит. Глупости – это очень вкусные и смешотворно дорогие шоколадные конфеты, например. Или шелковые блузки – у бабушки уже есть три, и две из них подарены Лизой. Она заказывает их в интернете, а бабушка получает на почте – и каждый раз приходит в восторг, как маленькая девочка. Так и говорит: “Я в восторге!”

В комиксах в такие моменты человек лучится, как лампочка. Обычно лучатся девочки, которым дарят куклу или щенка. Лиза ни разу не видела, чтобы лучились бабушки, в комиксах такого не бывает. И потому ей немножко странно, что бабушка ведет себя как ребенок. А еще Лиза не понимает, как может быть глупостью то, что ты любишь. Но она не спрашивает об этом бабушку. Она немножко побаивается: вдруг и сама она – тоже всякая глупость? Лизе бы этого не хотелось.

Краем уха Лиза улавливает, что в замке поворачивается ключ – и через мгновение прихожую наполняет голос Яси. Каждый раз, когда она его слышит, Лиза сжимается от удовольствия, и это несмотря на то, что голос Ясе совершенно не подходит.

Яся маленькая, хрупкая, с тонкими чертами лица, а голос у нее – как будто кто-то кричит в храме. Такой же глубокий, громкий, красивый. Ясю слышно издалека. И она никогда не молчит – всегда что-то говорит, непрерывно и на разные голоса, как бабушкино радио. Для каждого у нее находится совершенно особенный оттенок. Лиза даже пугалась поначалу – а это кто сейчас говорит? Потом она привыкла, что это все – Яся.

С Федечкой Яся говорит очень ровно, не повышая и не понижая тона, как будто гладкая синяя дорога льется под ноги. Для Катюши у Яси припасен смех и бессмысленная, почти пти-

чья розовато-сиреневая болтовня. С Владимиром Сергеевичем Яся немножко каменеет, голос ее понижается и становится серым и ломким, как грифель карандаша. Лиза видит Ясин голос линией на бумаге – то усиливающийся нажим, то внезапный пунктир, то едва заметный контур.

Лиза выходит в прихожую с мокрой тряпкой в руках и начинает обтирать грязные колеса Федечкиной коляски.

– Привет, Лизуш, – щебечет Яся. Лиза делает вид, что не слышит. Яся не обращает на это никакого внимания. – Там на улице такой ужас! Вот мы и вернулись пораньше. Невозможно проехать. Видишь, как коляску изгвадала! А ведь конец ноября! И когда уже снег ляжет нормально?

Яся щебечет, а ее руки, будто сами по себе, проворно вертят тощего Федечку на специальном столике, ловко стягивают с него забрызганный грязью яркий комбинезон и совершенно бесполезные ботиночки, подошва которых никогда не касалась земли.

Федечка недовольно кряхтит, мычит все громче, и Лиза съезживается – если еще и он сейчас закричит, она может сорваться. А срываться ей никак нельзя. Только не при Ясе. Она должна собраться с мыслями и сказать ей. Или не говорить?

– Мам, я к себе, – говорит Катя и проходит мимо Лизы, чуть толкнув ее плечом.

Лиза отступает и на всякий случай бормочет:

– Бить нельзя.

– Осторожнее! – кричит вдогонку Кате Яся, но та уже захлопнула дверь. – Ты как, в порядке? – Лиза молчит. – И вот с утра она сегодня такая! Как подменили девицу! – чуть более синим голосом продолжает Яся. – Утром упрямылась: не пойду никуда гулять! Дай хоть в субботу спокойно дома посидеть! На прогулке огрызалась. Я все думаю: неужели пубертат? Хотя какой пубертат в восемь?! Хотя я тоже ранняя девочка была... С другой стороны, такая погода, и рейс Владимира Сергеевича задержали, мы-то его сегодня ждали, а он только завтра прилетит, вот она и куксится. И Федька куксится, глядя на нее. Надо что-то испечь к чаю, авось подберет, как думаешь, Лизуш?

Лиза убегает в хозяйственный туалет – вылить воду из ведра и вымыть тряпку. Она закрывается там и прислоняется лбом к прохладному зеркалу. Потом, немного придя в себя, аккуратно смачивает водой мочки ушей. Этот дискомфорт, неяркий, но длительный, уже не раз выручал ее, отвлекал внимание на себя. Лиза тщательно протирает зеркало, на котором остался отпечаток ее лба.

Яся имеет право знать. Нужно сказать ей.

– А вот сейчас мы Федечку разденем, и Федечке станет хорошо, – не замолкает в прихожей Яся. – А что это у нас тут в памперсе? Ой-ой, какой тяжелый памперс у нашего мальчика! Сейчас сменим памперс, и станет Федечке легко, станет Федечке приятно! – выпевает Яся, и Лиза потихоньку успокаивается. Ей тоже становится немного легче. Надо как-то набраться храбрости и сказать.

Когда Лиза знакомится с новыми людьми, она всегда спрашивает, сколько им лет. Ей важно знать числа, которые характеризуют человека. Кате восемь, Федечке десять, а Ясе сорок, и замужем она совсем недавно, всего одиннадцать лет. “Он меня очень любит”, – сказала Яся Лизе тем же тоном, каким говорит сейчас: “Извини, Лизуш, мы тут развезли в прихожей”. “Последний шанс, и такой неплохой”, – прокомментировала бабушка, когда Лиза пересказала ей разговор.

Лиза крутит и крутит в голове бабушкину фразу. Получается, когда Яся встретила Владимира Сергеевича, ей было столько же, сколько Лизе сейчас. Значит ли это, что Лизе стоит беспокоиться о собственном шансе? Лиза не знает, как отвечать на подобные вопросы, тем более что замуж ей совершенно не хочется, даже если внезапно подвернулся бы неплохой последний шанс.

Сказать или не сказать? И если сказать, что почувствует Яся? Как она будет с этим жить? Совершенно неправильно, что Лизе приходится жить с этим одной. Яся имеет право знать. И Лиза должна с кем-то поделиться. С кем-то, кто тоже будет за это отвечать.

Хорошо, сказать нужно. А что она скажет? И главное, что будет с Ясей? Лиза чувствует, что поделиться таким – это как сломать человеку ногу, просто за компанию, потому что у тебя тоже сломана. С другой стороны, Владимир Сергеевич – как раз Ясина нога, так почему тогда болит – у Лизы? Справедливо ли так? Но как жить Ясе, когда Лиза ей скажет? И что будет с Катей и Федечкой?

Лиза иногда размышляет о том, каково это – понимать людей так же, как она понимает вещи. Ведь есть же люди, бабушка рассказывала, которые по мимике и тону голоса безошибочно распознают, что на самом деле хотел сказать человек. Как бабушка, которая переводит Лизе любую непонятную фразу.

Наконец Лиза достает из серванта кожаный футляр с серебряными столовыми приборами и раскладывает серебро на хрустящем льняном полотенце. Она внимательно всматривается в один из ножей – и слышит звон хрусталя. Владимир Сергеевич стучит ножом по бокалу: “Прошу внимания, господа!”

Лиза трясет головой, отгоняя мираж. Полировка ножей и вилок – отличное занятие, чтобы обдумать, что и как сказать Ясе – и как вообще со всем этим быть. Она оглядывает ножи снова: так и есть, пошли пятнами. На широкой ручке одного из них Лиза замечает очертания бабочки с волнистыми крыльями, смутно напоминающими ей о чем-то, а на лезвии – будто череп. Мертвую голову расчленили, резвится Лизин мозг. Бабочку – налево, голову – направо.

Лиза выходит в кладовку за бутылочкой нашатыря и чуть не сталкивается с Ясей, которая стремительно передвигается по квартире.

Вернувшись на кухню, Лиза видит, как Яся невозмутимо складывает серебро обратно в футляр и убирает в сервант.

Вот и ответ.

Лиза бесшумно срывается с места, хватает в прихожей куртку и рюкзак, кое-как всовывает ноги в разношенные ботинки и вылетает за дверь.

Тут совсем недалеко, и можно было бы дойти спокойно, но Лизе очень хочется бежать. Она не останавливается, даже чтобы влезть в куртку и забросить за спину вместительный, но легонький – наушники, паспорт и бутылка воды – рюкзачок. Кое-как, на бегу, вдевает руки в рукава, накидывает на голову капюшон. Капюшон сразу слетает.

Она бежит все быстрее, и вместе со скоростью нарастает какой-то невнятный дискомфорт. Довольно долго она не может определить его причину, и только метров через триста до нее доходит: не успела переодеться. Ноги в тонких колготках – все равно что голые, колени совсем заledenели.

В обычной жизни Лиза носит темно-серые худи и черные брюки из грубого льна. Одежда должна быть темной, чтобы Лиза как можно меньше выделялась среди других. Еще важно, чтобы ткань обладала ощутимой фактурой. Найти такую непросто, да еще чтобы худой высокой Лизе подошло, поэтому, встретив подходящие штаны, она покупает сразу три-четыре пары и снашивает их до дыр. Платья же Лиза надевает только по необходимости, на работе. За годы она притерпелась к гладкому синтетическому трикотажу, который облегает тело, как змеиная кожа. Противно, но тут уж ничего не поделаешь. Сейчас как никогда хочется из этой кожи вылинять – платье стало влажным и ощутимо холодит на груди и в подмышках.

Лизе кажется, что перед ней все расступаются. Она бежит довольно быстро, и, как ни странно, это приносит некоторое облегчение. Правда, ноги почти сразу покрываются холодными жирными каплями ноябрьской грязи, но голени уже так замерзли, что почти ничего не чувствуют, и Лизе каким-то чудом удается вытеснить это ощущение. Потихоньку и все остальные ощущения уходят, оставляют ее. В голове стучит: это кино! это кино! это кино!

Лиза почти забыла, как это бывает. Кино приходит, когда она перестает контролировать происходящее и саму себя, больше не чувствует себя человеком – от нее остается лишь образ, картинка на экране. Фильм о ней, который смотрит кто-то другой.

Лиза пытается сосредоточиться на беге. Ее выносит к станции метро. Людей становится все больше, и ей приходится уворачиваться от них, лавировать в толпе. В какой-то момент Лиза вылетает на проезжую часть, жадно впитывает визг тормозов, ругань водителя, крики прохожих, но как-то удачно и вовремя отскакивает и не останавливаясь бежит дальше. Лизе нравится, какая она вдруг стала ловкая. Она представляет, что за спиной развевается шелковый плащ, а ноги облегают высокие сапожки Суперженщины.

В голову лезут мысли о Ясе, и Лиза старательно пытается переключиться на что-нибудь. Вот например, завтра воскресенье. Наверняка бабушка приготовила ей что-нибудь посмотреть. Интересно, думает Лиза с усмешкой, в кино тоже смотрят кино?

Сколько Лиза себя помнит, по выходным они с бабушкой усаживаются смотреть какой-нибудь знаменитый фильм. Больше всего ей нравятся экранизации комиксов, конечно. Картинки – это то, что надо. Просто и понятно. А вот когда начинаются разговоры, Лиза ничего не понимает, но бабушка ставит фильм на паузу и терпеливо показывает едва заметные изменения в мимике – учит Лизу языку тела, обращает внимание на то, как изменился тон, раз за разом повторяет и объясняет, находя все новые и новые слова для одного и того же, чтобы Лизе было чуть легче понять, и Лизе в какой-то момент начинает казаться, что она слышит и понимает разницу. Но фокус работает, только пока бабушка рядом. Лиза выучила, как бабушка шутит, или смущена, или сердита, или растеряна – и как это называется словами. Вызубрила, как стихотворение. Но у каждого человека – своя азбука, свой язык, и Лиза мучительно теряется в этом вавилонском столпотворении.

Лиза нечасто беспокоится о том, что ощущают другие. Даже собственные чувства ее волнуют не слишком. Тем более что она далеко не всегда понимает, что именно чувствует и по какой причине. Обычно ее занимает только то, что на душе у бабушки, – потому что ей хочется, чтобы бабушка побыла с ней подольше. Остальные люди слишком далеко, чтобы хотя бы попробовать понять их. И хорошо, думает Лиза. Если за всех переживать, то, наверное, вообще на части разорвет. Мучительные мысли о Ясе загнали ее сейчас в такой тупик, что она не в силах ничего предпринять. Может только бежать, уворачиваясь от идущих навстречу прохожих и представляя, как за плечами бьется алый шелковый плащ. Пусть только он будет льняным и серым, если можно.

Лиза сворачивает за угол и старается поднажать. Нужно ей приземистое здание уже маячит в глубине двора. Его крыльцо ярко освещено, на дороге перед ним шеренгой стоят все три машины – грязный Митин седан и два обшарпанных бобика.

Лиза загадывает: если удастся добежать до крыльца за пять секунд, значит, все закончится хорошо. Четыре, три, две. Осталась последняя секунда. В попытке преодолеть оставшиеся до ступеней пару метров, Лиза отталкивается от земли и изо всех сил прыгает. Какую-то долю секунды она летит – плащ колышется по ветру, – но тут же приземляется на обледенелые ступени, оскальчивается, еще какой-то миг пытается устоять на ногах – нет, падает, обдирая колени и ладони, и обмирает на секунду, проживая удар. Но уже в следующий миг, игнорируя боль, которая уходит куда-то далеко, стремительно поднимается и привычно распахивает тяжелую, на огромных пружинах, дверь. Осталось немного.

Лиза легко перемахивает через турникет и, не обращая внимания на крики и топот за спиной, сосредоточенно и стремительно проносится по коридору, взлетает на второй этаж, врывается в кабинет и валится на худенький диванчик.

Недовольный диванчик еще доскрипывает под ней, когда в кабинет вбегает незнакомый парнишка с пистолетом:

– Тарщ капитан, простите! Она...

– Отставить, Павлов, все в порядке. Возвращайтесь на пост, потом все объясню, – говорит парнишке Митя, и тот, пятясь, выходит из кабинета и осторожно прикрывает за собой дверь.

– Новенький на посту, не в курсе про тебя. Почему в крови вся? – спрашивает Митя и терпеливо ждет ответа.

– Скользко, – наконец выдавливают из себя Лиза.

– Сиди тихо тогда, – говорит Митя. – Я пока занят.

Только теперь Лиза замечает, что Митя в кабинете не один.

По другую сторону стола сидит какой-то помятый мужчина в приятно серой одежде. Голова низко опущена, как будто он без сознания или спит. Приглядевшись, Лиза понимает, что руки его сведены за спиной и наручниками пристегнуты к спинке стула.

– Никодимов, – бесцветным голосом говорит Митя. – Никодимов, Никодимов... Долго мы с вами будем тут сидеть? Уже четвертый час беседуем. Вам, наверное, отдохнуть уже хочется. И мне. Суббота сегодня, напоминаю. Вот смотрите, ко мне девушка пришла. Девушка ждет, когда мы закончим. Мы ж вас фактически на трупе поймали. Давайте-ка еще раз пройдемся по известным нам событиям. Я буду говорить, как все было, а вы меня поправьте, если я что-то не так скажу.

Митя поворачивает к Никодимову монитор, выводит на экран какие-то фотографии. Лизе из угла совсем не видно. Очень хочется взглянуть, но она не должна мешать. Она встряхивает запястьями, поправляя браслеты. Никодимов сидит без движения. Даже на экран не смотрит. Кое-кто скверно воспитан, сказала бы бабушка.

– Итак, Никодимов. По фактам. Во вторник вы в тоске и тревоге приносите нам заявление, что ваша мать пропала. Правильно? В среду поднимаете отряды добровольцев прочесывать город и лес. Конец ноября. Старенькая мама в маразме могла уйти куда угодно и там замерзнуть, так? Страшная ситуация, весь город в шоке, все соседи подняты по тревоге. Вы тоже принимаете самое деятельное участие в поисках. Ездите по городу на своем личном автомобиле “школа октавия” две тысячи шестого года выпуска. Неплохой, кстати, автомобиль, у меня хуже. Пока все верно?

Никодимов едва заметно кивает. Митя добавляет в голос красок:

– За что вы убили маму, Никодимов?

Никодимов едва слышно бормочет:

– Я не убивал.

– Никодимов, давайте еще раз: мы сейчас о фактах. Вас задержали в Сулыковке, у реки, при попытке избавиться от тела. В реку хотели сбросить, как я понимаю. Умно. Как раз встал лед на Каме. Пока не было льда, тело могло всплыть ниже по течению, да? Вы убили маму, ночью вывезли тело, не знали, куда его девать, и спрятали его в камышах, а когда поиски стали масштабнее, вы вернулись, потому что вам это казалось недостаточно надежным: а ну как охотники обнаружат его раньше вас? Или звери растерзают – и кто-нибудь найдет фрагменты тела? Или дрон кто-нибудь запустит – и увидит ее? Поэтому нужно было избавиться от тела, и лучшим выходом вам показалось убитую вами маму спустить под лед. Кстати, как вы ее убили? При внешнем осмотре на теле не обнаружено никаких прижизненных повреждений. Конечно, сейчас мы ее вскрыем и все найдем. Трупные изменения несущественные, на улице холодно. Одно непонятно – может, вы мне поясните. Вот она лежит в камышах со вторника, допустим. Ее ж уже должны были какие-нибудь животные основательно попортить. Но нет, тело совершенно целое, нетронутое совсем. Как вы убили маму, Никодимов?

– Я ее не убивал. Я просто ее нашел.

– Какая удача! – Голос Мити звенит ядовитозеленым. – Удивительное совпадение! Что вы глазки-то прячете, Никодимов? Взгляните на фото! Если не убивали, то почему оказали ожесточенное сопротивление при задержании? Чего вам бояться, если вы невиновны?

Никодимов сидит без движения. Лиза то и дело потряхивает браслетами и слушает, как они тихонечко звенят на запястьях.

– Чем она вам мешала? И зачем весь этот цирк с добровольцами и поисками? Чего вы добиться хотели?

– Маму хотел найти. Волновался.

– И сердечко подсказало в Сулыковке поискать, да? – Лиза слышит, что голос Мити из зеленого становится металлически серым, и не выдерживает.

Она вскакивает с диванчика и подходит к столу. Никодимов удивленно поднимает на нее голову, краем глаза она замечает, что у него разбит нос и, кажется, ссадина на скуле, но смотрит не на него, а на четыре фотографии на экране – худая мертвая женщина с голубовато-серым лицом лежит на припорошенном снежком берегу, как куча ненужного темного тряпья. Вид сверху, вид сбоку. На одной из фотографий рядом с телом женщины лицом в мерзлую землю валяется Никодимов, уже в наручниках.

– Обыскали? – Лиза говорит обрывисто, боясь, что Митя сейчас рассердится и выгонит ее. Но ей очень надо с ним поговорить, и как можно скорее, ждать она больше не может.

– Обыскали, конечно. – Митя пододвигает к ней лоток. – В общем-то, ничего интересного.

Лиза пробегает пальцами по содержимому лотка – телефон, несколько монет, бумажник, разрезанный пластиковый хомутик.

Митя дергается:

– Не голыми ж руками-то, господи!

Лиза берет хомутик. Ощупывает его.

Митя шумно выдыхает, шлепает себя руками по коленям, трет шею ладонью.

– Как хлебушек, – спокойно произносит Лиза.

То, что она собирается сказать про Никодимова, не очень-то вежливо. Бабушка бы наверняка сказала, что такие вещи обсуждать не принято, но Правило номер один гласит: правда важнее, чем вежливость.

– Что “как хлебушек”, Лиза? – синим голосом спрашивает Митя.

– Мама Никодимова лежала, как хлебушек. Аккуратно лежала. А сейчас неаккуратно лежит, – как можно вежливее говорит Лиза.

Никодимов всхлипывает. Лиза возвращает на место хомутик и переводит взгляд на Митю. Точнее, на третью пуговицу на его рубашке. Что-то с ней не так.

– Все было очень просто, – говорит Лиза, не отрывая глаз от пуговицы. – Он ее в пакет положил, как хлебушек. Пакет в машине или в камышах, Лиза точно не знает. Надо искать. Она в пакете лежала. Пакет хомутиком затянул, очень аккуратно. А потом достал ее из пакета. Чтобы в воду бросить. На коленях стоял.

Но на брюках грязи почти нет. Это потому, что снег. Колени намочил, но не испачкал. Они высохли сейчас. Остались серые пятна на коленях. Их почти не видно. А тут и тут, – Лиза почти не глядя тыкает в фотографии, – следы колен. Он на коленях стоял, пакет с нее снимал. Нет, не снимал. Пакет плотный, рвать тяжело. Срезал. Где-то будет нож. Ищите. Срезал хомут, порезал палец, срезал пакет. Палец порезал. Указательный, на левой руке. На хомуте кровь, совсем чуть-чуть. Это его, не ее. Неудобно было резать. Торопился, нервничал. Кофту ее порезал случайно, тут и тут. – Лиза снова тычет пальцем в экран. – А умерла она сама. Он не убивал. Не помог, но и не убивал. Она задохнулась. Поэтому повреждений снаружи нет.

Никодимов издает какой-то странный стон. Видимо, хочет, чтобы все побыстрее прояснилось. Она ускоряет речь:

– Она очень кашляла. Ей нужно было лекарство. Смотрел, как она задыхается. Глаза стали красные. Она немного себя поцарапала. Под ногтями найдете кожу. Это ее кожа, не его. Он смотрел. Когда умерла или, скорее, потеряла сознание, положил в пакет. Запечатал. Увез.

Не собирался убивать. Но и помогать не хотел. А потом почему-то испугался. Почему испугался? Он убрал лекарство. Нет, не убрал, он его использовал. Аэрозоль. Он его в воздух распылил. В квартире на мебели остался порошок. Он толком не мылся, на нем тоже остался. На голове, у корней волос. – Лиза, не оборачиваясь, тычет рукой в Никодимова. – Тут. Почти не видно. Как мука. Почти совсем незаметно. Нужен смыв с волос. А ей... – Лиза осекается на мгновение. Снова пускать в себя эту картину не хочется. – Ей нужно было лекарство, а он его распылил, чтобы ей не досталось, и она задохнулась. Сама. До пакета или уже в пакете. На вскрытии станет ясно. Он не убивал.

Не отрывая глаз от Лизы, Митя снимает трубку. Никодимов вдруг делает отчаянный рывок к Лизе – в ее сторону летит стул, к которому он пристегнут наручниками. Лиза улыбается как можно ласковей и, не сводя глаз с Митиной рубашки, слегка подается в сторону, а Никодимов валится на пол вместе со стулом.

Пока Никодимова отделяют от стула и выводят, Лиза снова забивается в угол диванчика. Митя некоторое время бесцельно перекладывает бумажки на столе, поправляет монитор, снимает трубку телефона – и опускает ее обратно на аппарат. Потом, вздохнув, выходит из-за стола – высокий, широкоплечий, чуточку нескладный, – пересекает комнату и присаживается рядом на диван, протягивает к ней руку. Она едва заметно отодвигается.

Митя вздыхает:

– Я тебя сколько раз просил улики голыми руками не трогать, а, Лиз?

Она молчит.

– Я так и не понял, что случилось. Что вообще происходит? – помедлив, спрашивает Митя. – Обставляешь Павлова – раз. Могла нормально войти, как обычно? А если бы он стрелять начал? Ты же знаешь инструкции! Врываешься в кабинет вся в крови – два. Как нефиг делать раскалываешь подследственного – три. А мне теперь доказательную базу по новой собирать, да еще неприятный разговор иметь с адвокатом этого утырка, да еще с Павловым объясняться. И вот когда я всех этих наконец разогнал, а те на меня пока не надели, сидишь теперь и молчишь.

Лиза молчит. Внутри нее полыхает крик, и если сейчас она скажет что-нибудь, придется кричать вслух, а Лизе очень не хочется. Поэтому она позволяет себе молчать, это важное правило – разрешить себе молчать, если не хочется говорить. Правило номер два.

К своим двадцати девяти Лиза выработала определенный набор правил, которым она следует несмотря ни на что. Они позволяют ей снизить количество эпизодов и при этом не слишком ограничивают Лизины принципы, которых тоже накопился целый список. Главное, они позволяют ей как можно дольше не переводить внутренний крик во внешний, потому что, когда она кричит внутри, плохо только ей самой, а когда она кричит снаружи, плохо всем, кто это слышит, и они тогда хотят убрать ее подальше, чтобы она не делала им плохо. А здесь, у Мити, она должна сдержаться во что бы то ни стало, чтобы он и дальше принимал ее всерьез.

Митя поднимается с дивана и идет обратно к столу.

– Ладно, не дуйся. Ты сегодня супергерой, как обычно, – Митя почему-то вдруг смеется, но смех звучит зеленовато, будто он озяб, – так что тебе все можно. Пальчики пальчиками, а кровь-то на хомуте осталась. И пакет найдется. Мы все равно его прижмем. Но в следующий раз хотя бы перчатки напяль, а? Вот же, целая пачка стоит. И давай выкладывай, с чем пришла. Кстати, может, сходишь в туалет, ссадины промоешь вначале? – Лиза мотает головой. – Нет? Ну тогда давай, пересаживайся поближе, и поговорим.

Немного помедлив, Лиза встает с дивана и, стараясь не обращать внимания на саднящие колени, как можно более ровно идет к стулу. Не спеша она садится на стул, на котором совсем недавно сидел Никодимов, примеряет на себя его позу. Лиза ждет: не станет ли она сама немного Никодимовым, сев сюда? Пока нет, не становится.

– Вот и славно, – кондитерски розовым тоном говорит Митя. – Вот и умница. Расскажешь, что там у тебя?

Лиза немножко раскачивается взад-вперед и не отрываясь смотрит на третью пуговицу на его рубашке. Лиза обычно избегает вникать в Митины вещи, это все слишком личное, невежливо разговаривать с вещами друзей без приглашения. Но с этой пуговицей что-то слишком не так, и это раздражает Лизу. Что такого уж личного может быть в пуговице, думает Лиза. Наверняка ничего такого. Но пока Лиза не сообразит, в чем неправильность, не сможет думать о делах. Нужно немножко сосредоточиться, поймать пуговицу в фокус, а остальное максимально расфокусировать, чтоб не увидеть лишнего.

Ага, вот. Пуговица явно расстроена. Все остальные пришиты машиной, аккуратно и последовательно. Каждая из их дырочек несет равномерное количество ниток, они вообще в полном порядке. А третья – третья явно пришита человеком, причем кое-как, второпях: четвертая ее дырочка висит лишь на одной нитке, а остальные три задыхаются, забитые нитками до отказа. Митя сидит на кухне, за окном вечер. Низко наклонив абажур настольной лампы, он раз за разом пытается вдеть непомерно длинную нитку в узкое, почти незаметное ушко иглы...

Митя отворачивается к окну. Грубо прерывается контакт с пуговицей. Лиза вздрагивает от неожиданности.

А, да, он спрашивает, зачем она пришла. Нужно ответить. Усилием воли Лиза собирает воедино распадающееся пространство тускнеющей комнаты.

– Пришла рассказать, – произносит она и сама удивляется тому, как отвыкла говорить за какие-то несколько минут.

Митя снова поворачивается к ней. Это движение кажется Лизе ободряющим, и она уже смелее произносит:

– Принесла информацию.

Лизе очень хочется быть ценной. Митя – хороший друг, а друзья делятся друг с другом. Правило номер пять: смысл дружбы – в обмене информацией. Это отличная основа для дружбы. Лиза старается приносить Мите только лучшую информацию.

– Так-так, – отвечает он, открывает блокнот и щелкает ручкой, готовясь записывать.

Лиза снова вздрагивает.

– Прости, день был тяжелый, больше не буду, – спохватывается Митя. – Продолжай, пожалуйста. Что, опять жулика вычислила и теперь нам его ловить?

– Нет, – отвечает Лиза, улыбаясь Мите в ответ. В этот раз он будет доволен информацией и похвалит ее. – Нет, не жулика. Но вычислила, да. Вычислила.

Это слово очень нравится Лизе – оно проходит сквозь воздух, как тщательно заостренная стальная стрелка с идеально симметричными краями, солидная и увесистая. Такая воткнется в дерево и долго еще вибрирует.

– Вычислила! Вычислила, да!

– Вычислила, да, – покладисто повторяет за ней Митя. – Кого вычислила?

– Владимира Сергеевича вычислила. Владимира Сергеевича.

– А что Владимир Сергеевич сделал, Лиза? И кто это вообще?

– Это врач. Остеопат. Некоторые считают, что остеопаты не врачи, но Владимир Сергеевич говорит, что он врач. В кабинете у него дипломы по стенкам висят. Там тоже написано, что он врач. Но Лиза не уверена.

– Хорошо, Владимир Сергеевич – остеопат. Вспомнил, это твой новенький. Сколько ты у него, месяца два? Три? И ты его вычислила, да? Что он натворил? Налоги не платит?

– Нет, Владимир Сергеевич очень аккуратный. У него всегда все по стопочкам разложено в кабинете. Насчет ящиков Лиза не знает, он просит Лизу ящики не открывать. Лиза только один раз открывала, и он сказал так больше не делать. Лиза видела, там у него квитанции, много квитанций. И медкарта, очень аккуратная. Он наверняка очень правильно платит налоги. И

прививки вовремя ставит, какие положено. Лиза тоже поставила одну, когда посмотрела его медкарту. У Лизы этой прививки не было. И Лиза поставила. Там важно взрослым тоже ставить. Прививка одна, а болезней сразу три. Столбняк, дифтерия, коклюш. Надо каждые десять лет ставить, ты знал? Лиза поставила, и ты поставь. И Лиза его вычислила, Митя. Он делает с мальчиками нехорошее. Никакой он не врач, Митя. Он педофил, вот он что.

Теперь Лиза смотрит прямо в глаза Мите и улыбается. В последнее время она приучает себя не отворачиваться и очень довольна собой, когда получается.

– Он такое с ними делает, Митя. Лиза мыла сегодня массажный стол – и увидела. Там пятна. И волосы. Детские волосы. И другие всякие, понимаешь? И пятна. И кожа порвана даже. И простыни. Задубели кое-где. Много крови. Их уже не отстирать. И это не первый раз. Лиза уже много раз видела. Приходится выбрасывать такие простыни. Рваные иногда. И всякие пятна, не только кровь. Лиза много раз это видела. А сегодня все сравнила, и все сошлось. Так Лиза вычислила. Иди заведи его. Его надо убрать из дома, чтобы он больше не был тем, кто он есть, даже если кто-то считает его врачом. Так нельзя, это неправильно. Родители приводят к нему детей, мальчиков, – сами приводят, понимаешь? И у него дома Яся, и Федечка, и еще Катя. И Лиза его вычислила. Ты же его заведешь?

Митя внезапно захлопывает блокнот и спрашивает:

– А как фамилия твоего этого Владимира Сергеевича?

– Дервиент, – совсем успокоившись, говорит Лиза.

– М-да, и захочешь – не забудешь. Чего раньше не спросил-то?.. – Митя встает и начинает ходить по кабинету – от окна к сейфовой дверце и обратно к окну. Это отвлекает от главного, и Лиза отворачивается.

– Он хочет, чтобы его называли “профессор Дервиент”, – торопливо говорит она. – Но он никакой не профессор, раз никакой не врач. Не может же профессор и врач делать такое с детьми. Но какая разница, как его фамилия? Лучше скажи: хорошую информацию Лиза тебе принесла? Ты же заведешь его? Какая разница, какая фамилия? Надо же его забрать!

Митя вдруг резко останавливается, заглядывает ей в лицо:

– Знаешь, что меня сейчас интересует, Лиза?

– Нет.

– Меня интересует, почему ты сейчас улыбаешься. Что такого радостного во всем этом ты находишь?

– Лиза улыбается? – Лиза пытается найти поверхность, куда можно было бы посмотреть, чтобы найти и убрать улыбку, раз она не нравится Мите.

– Да, представь себе. Почему? – Его голос становится неприятно сиреневым.

– Лиза не знает. Может быть, Лизе нравится, что она все про Владимира Сергеевича поняла, рассказала тебе, и теперь ты тоже в курсе и сделаешь все как надо. Вообще, знаешь, это же очень интересно!

– Что именно интересно, Лиза?

– Просто захватывающе интересно! Ты должен понимать, раз ты здесь! Интересно – узнать о человеке то, что он ни за что никому бы не сказал. Узнать это про него. Понять, с кем имеешь дело.

– Мне кажется, ты не осознаешь...

– Чего именно?

– Как опасно то, во что ты лезешь.

– Опасно? – Лиза и правда не понимает. – Что тут опасного? Лиза приносит информацию, ты его забираешь. Как это может быть опасно? И для кого?

– Мне иногда кажется, что ты абсолютно не осознаешь, что такое опасность. Я сейчас вспомнил. Лидия Матвеевна рассказывала. В детстве тебе очень нравился скрип тормозов. Ты постоянно от нее удирала, а пока она пыталась тебя догнать, ты пряталась за припаркованными

машинами, а потом выскакивала прямо на проезжую часть – только чтобы услышать этот звук. И вот сейчас ты выросла, ты взрослая, но совершенно не понимаешь до сих пор, что машина, под которую ты прыгаешь, тебя просто размажет. А звук прикольный, кто спорит. Тебе и сейчас нравится, да?

– Нравится, да. Но при чем тут это? Ты сам ничего не понимаешь! Это... Это... – Лиза изо всех сил пытается поправить браслеты, но ничего не выходит. – Это как сложная задача со множеством неизвестных, вот как что!

– Ага, и ты в ней – самый главный икс. Думал, показывать или нет. Покажу. Поймешь, к чему я.

Митя подходит к сейфу и набирает комбинацию.

– Три четыре восемь семь пять, – тихонько шепчет Лиза. – Сменил? А зачем? Совсем какая-то простая комбинация.

Митя оглядывается на нее через плечо, роется в сейфе, наконец вынимает из него пухлую папку – и кладет перед ней на стол.

– Что там? – спрашивает Лиза. Во рту у нее почему-то становится кисло.

– А ты полистай. – Митя валится в свое кресло – звук такой, будто кошке наступили на хвост. – Полистай-полистай.

Лиза берет папку в руки – та оказывается даже тяжелее, чем Лиза ожидала, – оглядывает обтрепавшиеся края и надорванный сгиб. Вглядевшись внимательней, она вдруг видит, как Митя быстро открывает сейф, приподнимает эту папку – так, что заминаются края, – и достает из-под нее конверт. Из конверта он вынимает ее, Лизины, паспортные фотографии – неразрезанный прямоугольник, четыре одинаковых лица в белых рамках со скошенным уголком, нелепо торчащая из косы прядь волос – и кладет их в нагрудный карман. Но, помедлив минуту, почему-то снова лезет в сейф, копается там, наконец достает папку, на которой написано имя Лизы, и перекладывает фотографии в нее. Затем он кладет папку с Лизой на самое дно сейфа, под стопку других таких же, меняет код, закрывает сейф, выходит из кабинета и поворачивает ключ в замке всего один раз вместо полных трех оборотов.

– Лиза?

Митин голос возвращает ее к реальности. Она читает имя на обложке:

– “Владимир Сергеевич Дервиент”. Так ты уже о нем знаешь?

– Пролистай.

Лиза развязывает тесемки, раскрывает папку, листает – и ничего не понимает. Имена, даты. Исписанные разными почерками – и аккуратно перечеркнутые крест-накрест красным листочки. Плачущие женщины, трясущиеся руки, сдавленные голоса.

– Объясни, что это? Лиза не понимает, объясни. – От хоровода чужих слез у нее вдруг кружится голова. Она отворачивается от папки, закрывает глаза.

– Это, видишь ли, доказательство того, что я вообще ничего не могу. Знаю я этого твоего Дервиента. Уж точно побольше, чем ты у него работаешь. Чего только не наслушался о нем. Каких только подробностей. Твой массажный стол – ничто, тьфу против этих подробностей, Лиза.

Лиза вжимается в стул, пытается нащарить подлокотники. Их нет.

Митя хватает папку, начинает листать:

– Сверху – четыре заявления от родителей. Отозванные, естественно. А дальше – то, что я сам на него накопал. В свободное от работы время. Поделиться с тобой, сколько у меня на него?

Лиза мотает головой, потом заставляет себя кивнуть.

– Вообще-то вагон и маленькая тележка. А предъявить вообще нечего – ни потерпевших нет, ни свидетелей. Ни показаний. Дервиент твой – волшебник какой-то! Из обеих столиц к нему очередь! Последняя надежда несчастных родителей! Я его волшебство четырежды вблизи

наблюдал. Как по нотам, одна и та же ситуация – вроде к доктору сходили, хоба, а с ребенком что-то не то: трусики запачканы там. Кровь, иногда разрывы. Мать в истерике приносит заявление – вот, полюбуйся: Семенова, Куликова, Никольская... – Митя швыряет перед Лизой новые и новые листочки. Лиза отодвигается от стола, пытается не смотреть.

– Один раз отец приходил, – продолжает Митя. – Отцов в принципе нечасто увидишь. В семьях с детьми-инвалидами отцы редко задерживаются, знаешь? Ну и вот, обычно матери. Одна расстроенная, убитая просто, другая в ярости. И я каждый раз думал: “Ну все, сейчас я его возьму за это самое!” Принимал заяву, начинал проверки, назначал экспертизы. Это все быстро делается, это ж публичное обвинение. И тут – ты не представляешь, какое совпадение! Раз за разом что органы опеки, что эксперты – проверочку-то проводят, а потом все как один хором отрицают, что в отношении ребенка что-то противоправное происходило. А потом еще что-то такое случается, мать возвращается страшно напуганная и в ужасе заявление забирает. Бормочет при этом невнятное, дескать, все показалось, ребеночек больной, жизнь тяжелая, нервы расшатаны – всё как по нотам. Простите-извините. Будто у них методичка одна на всех. – Митя впивается пальцами в череп, лохматит рассыпающиеся темные пряди. Лизе немедленно хочется поправить их, ведь так аккуратно лежали. – Тысячу раз извиняется – и забирает. Умоляет все прекратить и забыть. Еще и еще извиняется. Просит не привлекать за дачу ложных показаний. Снова извиняется. И все! Понимаешь ты? Все! С этого момента я ничего больше не могу! Четыре раза так пролетел. Сверху еще шеф клюет: давай-давай, закрываем, некогда, реальных дел по горло. Первое заявление даже скопировать не успел, молодой был, не просек закономерности, только имена и адрес по памяти записал. Почти десять лет прошло с тех пор. Дальше рассказывать?

– А было дальше? – Лиза впивается одной рукой в другую, чтобы не мешала слушать.

– Ха! Еще как было! Думаешь, как я в СК оказался? Родители приходят не перестали. Только меня к ним на пушечный выстрел!.. А беседует с ними теперь дознаватель Витёк. Специально его вызывают для такой беседы, понимаешь? Все дежурные в курсе Витька. Может, кстати, ты видела. Приезжает такой, на аккуратном темном мерсе, аккуратно, по-тихому с матерью беседует. Или с отцом, так даже легче. И после каждой такой беседы родитель уходит и не возвращается больше. От подачи заявления отказывается. А если заява официально не принята, то ее и не существует вовсе. Нарушение? Да! Но хер докажешь! У меня до недавнего времени договоренность с их дежурными была. Они мне о встречах родителей с Витьком сообщали. Я данные втихаря записывал. Ну, там, мало ли что. На родителей, опять же, выйти пытался сам. А потом всех дежурных разом сменили. И все. И инфы взять неоткуда. И ничего, ничего сделать нельзя. А я пытался. Думаешь, почему я до сих пор капитан? А еще...

– Еще? – Лизе кажется, что на нее катится не машина, а целый поезд. Звук Митино го голоса вдруг рассинхронизируется с изображением. Лиза снова закрывает глаза, но в темноте тошнит еще сильнее.

– Еще! Был еще звонок. С самого верху, Лиза. С такого верху, что стоит там чихнуть, и мы все тут полетим кверху тормашками. Знаешь, как летают кверху тормашками?

Не разжимая век, Лиза кивает.

– Вижу, доходит помаленьку, да? Так вот, не мне – шефу моему! – позвонили оттуда и убедительно рекомендовали не принимать близко к сердцу слова разнервничавшихся родителей, если они напрямую в СК вдруг придут. Войти в их положение, понимаешь?! Не судить строго. Что-то там им показалось, этим несчастным родителям, – спору нет, отчаянные ситуации могут требовать отчаянных мер! Мало ли какая там методика у уважаемого профессора! – но это же не повод великолепного специалиста под цугундер подводить? Светило! Последнюю надежду безнадежных детей! И знаешь, что меня добило? “Кому мы должны верить? – спрашивает шеф меня на полном серьезе. – Ребенку, который ничего не соображает, и его полоумной мнительной мамашке – или человеку с безупречной репутацией?” И – вишенкой на торте

– сообщает мне, что там внушка такого человека лечится, что лучше б он мне этого вообще не говорил. В общем, у этого твоего Дервиента крыша железобетонная. Как в бункере ядерном сидит. С полком охраны. Нам до него не добраться.

– Понятно, – говорит Лиза и встает.

– Что тебе понятно? – как-то синенько говорит Митя. – Присядь, пожалуйста.

Лиза, совершенно растерянная, садится обратно.

– Что тебе понятно, Лиза? – повторяет он.

– Понятно, что ты ничего не можешь сделать. С *этим Лизиным* Дервиентом. Хорошо. Тогда Лиза сама.

– Ох, да хорош к словам цепляться! И в каком таком смысле “сама”? Я кому это все говорил сейчас? Что значит “сама”?

– То и значит. Лиза не будет сидеть и молчать, как будто ничего не произошло. Лиза ему скажет. Скажет все. Он тоже должен знать.

– Послушай... – Она вдруг замечает, что его руки тоже ходят ходуном. Неужели и у него браслеты? – Послушай меня. Нерационально это. Не нужно этого делать. – Митя говорит медленно, очень медленно, как будто читает по букварю. – Ты же разумный человек. Он тут же тебя уволит, это во-первых, а во-вторых, он в психдиспансер тебя пристроит – с самыми добрыми намерениями, помочь несчастной семье. С его-то связями! За тобой прямо к нему приедут. А ему потом еще и сочувствовать будут: “Хороший человек помог ненормальной, дал работу, а она, неблагодарная такая. А он, бедненький такой...” Хочешь? А чего в психдиспансер! Просто под машину или из окна пристроит, с него станется. И снова все посочувствуют, и опять ему. Надо же, какая неприятность – уборщица покончила с собой. Психика у нее была нестабильная. Мало ли что ей в голову взбрело. И чего ты этим добьешься? Только оставишь бабушку одну. Ты чего вообще хочешь добиться, кстати?

– Лиза хочет правды, – терпеливо и спокойно отвечает Лиза, – Хочет, чтобы все знали, что есть такие люди. Чтобы не вели своих детей сами к нему. Он же питается этими детьми, как ты не понимаешь!

– погоди, не кричи на меня, Лиз, не кричи ты так. Ты таблетки, кстати, пила сегодня? Я понимаю. Но без доказательств он и тебя сожрет. А доказать ты ничего не сможешь. Или, может, ты сфотографировала пятна? При понятиях? Волосики в пакетик аккуратно собрала? Повреждения на массажном столе зафиксировала, как положено, при свидетелях? Да даже если ты все это сделала бы! Пятна и волосики ничего не доказывают, понимаешь! Еще меньше доказывают твои прозрения. Их примут за бред! Зато у него, если он захочет тебя закрыть, будут все козыри. Спрашиваю снова: зачем тебе это?

Лиза вдруг ощущает, что сможет все объяснить Мите. Нужно просто объяснить – и он поймет.

– В карты играть Лиза с ним не будет. Но Лиза вдруг стала очень живой. Наконец поняла, зачем нужна математика и вообще все эти схемы и таблицы. Лизе казалось, это пыль, болезнь, но теперь Лиза понимает, что может спасти. Хочет спасти. Не хочет жить и знать, что вот так все. Что можно съесть ребенка. Ребенок не может сам себя защитить. Но это не значит, что его можно есть. Лиза не хочет молчать! Как ты не понимаешь? Вот ты сейчас сидишь тут с Лизой, а он – он в этот самый момент где-то ест очередного мальчика!

– Ну уж прям-таки ест!

– Прямо ест. Конечно. Лиза хотела обойтись без математики. – Она вдруг вскакивает, бросив стул, забыв о ссадинах, и тоже начинает ходить по комнате. – Лизе казалось, математика мешает. Цифры эти все. Надо запретить Лизе цифры – и Лиза станет как остальные. Так хотелось забыть все, чтобы ничего больше не случилось. Бабушка не понимает. Да и ты тоже. Вы же оба без конца твердите: “Зачем Лизе эти тряпки, если можно тряпку в руки брать, только чтоб с доски стереть?” Как вам объяснишь, что доски давно электронные, никто по ним тряп-

ками не машет. И что там, где водятся такие доски, там тоже едят людей. И Лизу почти съели, еле выбралась.

– Да что за странное выражение у тебя?! Те едят, эти едят! Бога ради, никто никого не ест! Чуковский какой-то!

– Ты в шахматы когда-нибудь играл?

– А, вот что... – Митя барабанит пальцами по столу.

Лиза морщится и отворачивается, шагает к выходу.

– Именно, – не оборачиваясь, говорит она. – Так что если Лиза расскажет ему, что все знает, то станет живой и все вокруг будет гораздо более живым. Это гораздо лучше, чем тряпкой стирать с электронной доски и ждать, когда до тебя доберутся. И мальчики, которых он не доел... Может, он ими подавится. Лиза хочет, чтобы подавился, – развернувшись к нему, совершенно другим тоном говорит она. – Пусть бы он подавился ими, Митя.

– Никем он не подавится, Лиза. Даже тебя проглотит, не жуя. Ты же пешечка! Ты даже меньше пешечки, ты просто крошка от бутерброда, которая случайно клетку на доске занимает!

– Подожди, и что ты предлагаешь?

– Ждать. И присядь обратно, пожалуйста, у меня уже в глазах рябит от твоей беготни. И колени твои выглядят просто ужасно. Возьми хоть салфетки влажные, оботри их, а то потом колготки присохнут намертво, срезать придется.

– Ждать – и?... – Лиза садится на краешек стула и тянется за салфетками.

– Просто ждать.

– И молчать?

– И молчать, Лиза.

– Ты хочешь сказать, что на него нет никакой управы?

– Почему же. Есть. Есть управа. Законодательство на данный момент так устроено, что твоего Владимира Сергеевича немедленно закроют, и закроют надолго, как только кто-нибудь, чье мнение будет важно для следствия, поймает его прямо на ребенке, желательно при двух незаинтересованных свидетелях. Или – что еще фантастичней – операм вдруг разрешат у него прослушку и камеры установить и на ребенке его поймает уже прокурор.

Лизу передергивает, она бросает салфетки на пол, вскакивает и пересаживается обратно на диван.

У нее вдруг возникает ощущение, что это был ход, и она его сделала, и она терпеливо ждет, чем ответит Митя. Но Митя молчит.

Через несколько минут она говорит:

– А еще варианты? – Она слышит свой голос будто из другого угла комнаты, в горле явно что-то застряло, и Лиза послушно пытается это выкашлять, но ничего, кажется, не выходит.

– А нет больше вариантов. – Митин голос вдруг становится ярко-оранжевым. – Нет других вариантов, понимаешь ты, донкихот хренов? Дети все нездоровые, многие вообще не говорят, кто им поверит? И родители молчат. И экспертизы провели – напоминаю, четыре штуки! Но больше ни один родитель даже до этапа экспертиз не дошел. Уверен, добрый Витёк им объясняет, что экспертиза – это дополнительная травма для ребенка, а потом еще и пятно позора, скандал! Родители очень боятся скандала. Все будут оборачиваться! В магазине соседка не так посмотрит! Зачем это? Никому такого не нужно! А может, он откупается от них, кто знает? Наверняка угрожает. Кто знает, какие еще у него могут быть связи, если шефу вон аж оттуда позвонили по нему?

– Это страшно – то, что ты говоришь, Митя. Лиза тебе не верит. Не может быть такого, – тихо отвечает она.

Лиза чувствует, что вот-вот соскочит с резьбы. Она сидит на диванчике, сжав одной рукой другую – так, что та потихоньку теряет весь цвет, становится белоснежной. И раскачивается – все сильнее. Митя, наверное, видит ее, но теперь его несет, и он не может остановиться.

– Не может быть?! А вот я сейчас тебе пример приведу! Свежий – аж на зубах хрустит! Был чувак тут у нас один – он прямо из школы мальчишек забирал. Тачка у него еще такая – яркая, дорогая, заметная. Узнаваемая тачка! Все в школе ее узнавали – улавливаешь, да? Все! Учителя! Директор! Другие дети! Забирал – и увозил на два-три дня.

– Крал? – еле слышно отзывается Лиза.

– Ну, родители тоже считали иногда, что крал. Ну как родители – мамы. Чувак-то не дурак – ребенка из благополучной семьи выбирать. Брал каких попало: бедненьких, грязненьких, запущенных, на которых родители-алкаши забили давно. Ну и вот. Заберет очередного, мать поищет-поищет – и в полицию с заявлением: так и так, пропал ребенок. Хотя в какой-то момент все уже прекрасно знали, куда они пропадают, пацаны эти.

– И полиция знала? Вы все тут знали?

– Ты погоди, слушай. Все всё знали. Школа к другому району относится, но даже здесь мы всё знали. Пацаны с ним охотно сами шли: он им и денег давал, и шмотки всякие покупал. Отмывал их. Подкармливал вкусно. Денег у него немерено было – там папа крутой. И вот когда очередная мамашка прибежит с заявлением, чуваку этому менты сами звонили: “Так и так, возвращай давай пацана, его уже мать разыскивает!”

– И что?

– И то, Лиза. Он бац – и возвращал сразу же. Считалось, что отличный парень – идет на сотрудничество, уменьшает количество дел.

– Как это – уменьшает? Его что, в тюрьму не сажали?

Митя снова хватается за голову, снова ерошит волосы:

– Ты меня не слышишь, что ли? Заявление об исчезновении подали – ребенок вернулся – дело закрывается, ребенок-то вот он – довольный, чистенький, сытый, с деньгами, в новых шмотках. Никаких проблем, какое исчезновение, гражданин начальник?

– Так он их просто мыл, кормил и одевал, что ли?

– Ага! Мыл! Сам, собственноручно. Подпаивал, не без того. А потом уже и фоткал, и одевал, и кормил. В таком вот порядке. И по ходу дела много-много чего еще с ними делал, Лиза. Не хотела бы ты в том доме побывать, где он с ними развлекался. Тебе бы там вещдоки таких историй рассказали...

– И что, ни одного честного человека не нашлось? – Лиза не уверена, что Митя слышит ее. Она и сама себя, кажется, уже не слышит.

– Да как же, находились! – отвечает он мгновенно. – Сообщали в прокуратуру.

– Что сообщали?

– А что было, то и сообщали. “Факты фотографирования несовершеннолетних”. Прокурор в голосину ржал. И отклонял – за отсутствием состава преступления. Годами, Лиза, годами! Я ж тебе о чем говорю? Папа там очень хороший был у чувака, авторитетный папа, с репутацией и связями. Ничего не напоминает тебе?

– Ты все время говоришь “был”. Что-то изменилось?

– Ну, нашлись люди. Запарились. Взялись за дело. Собрали доказательную базу. Закрыли его. И чувак этот, даже присев, умудрялся красоваться! Мемуары писал! В инете публиковал! Дескать, так и так, закрыли меня – а за что? Я ж со всей любовью к этим несчастным крысеньшам! И знаешь, что дальше было? Его выпустили по УДО! Да-да, чему ты удивляешься? Папа же! Дальше продолжать? Он тут же снова мальчишку украл. И там уже дальше по полной программе... Не надо тебе знать.

Лиза смотрит, как Митя опускается в кресло. Он вдруг кажется ей незнакомцем, чужаком. Еще никогда она не видела его таким пустым и старым.

– И после этого ты говоришь, чтобы Лиза сидела и молчала? – Ее слова прорывают плотную пленку тишины.

– Да, именно это я тебе и говорю, – моментально откликается он. – Ты заодно вот о чем подумай. Вдруг ты неправа?

Лиза молчит долго. Она просматривает свои схемы, подсчитывает детали, всматривается в увиденное. Митя позволяет ей молчать.

Потом она говорит:

– Абсурдное предположение.

– Гипотеза, – возражает он. – Давай проверим. Что именно ты видела?

– Достаточно.

– Рискну-ка я спросить поконкретнее. Пенетрацию, например, ты видела?

– До этого не досмотрела.

– Вот. А что еще? Пятна? На белье?

– И на столе. И волосы. И ремни. Много всего.

– А вот теперь давай предположим – просто предположим, да? – что ты неправа. И я неправ. И родители неправы. Мы все неправы. Допущение такое, да? И Дервиент никакой не педофил. Определенное насилие к детям – да, применяет. А вот методика у него такая, болезненная, что тут сделать? Детям неприятно, но им не объяснишь, что надо потерпеть, дети сопротивляются, он прикладывает силу. А в остальном он совершенно не виновен. Никого он не насилует. Никаких мальчиков не развращает. Некоторым даже помогает, не зря же к нему такая безумная очередь выстраивается. И вот ты его обвинишь. Обвинишь невинного человека. Блестящего врача, известнейшего специалиста, которого несчастные родители боготворят, молятся на него день и ночь. Будешь агрессивна, конечно, накрутишь себя как следует. Сорвешься там, чего доброго. Поломаешь что-нибудь. И что дальше? Что сделает невинный, но добросовестный врач? А я тебе скажу. Он тебя госпитализирует, Лиза. Немедленно вызовет спецбригаду и укатает тебя в больничку принудительно. Из лучших побуждений! Или даже в ПНД укатает, уже навсегда. Потому что нужно лечиться, если у тебя навязчивый бред и приступы агрессии! Если ты добрым людям дома крушишь. И никто не поможет, никто тебя оттуда не выпарапает. Ни я, ни бабушка.

Лиза молчит. Она думает о больнице. Она видела больницы в кино. Исчезающие в темноте бесконечные ряды неряшливо белых коек. Чужие люди, которые будут к ней прикасаться.

Мутная вода подступает к горлу.

– Оставь его, Лиза, – помолчав, говорит Митя. – Хочешь – уволься, чтобы больше не видеть всего этого. Вынеси себя за скобки. И оставь его. Он нам не по зубам.

– А ты, ты сам-то вообще-то на чьей стороне? – сжав челюсти – до треска, чтобы не выпустить крик, давится Лиза.

– Господи, Лиза! – Митя встает.

Она видит, как он идет к ней – как будто издалека-издалека и медленно-медленно.

Лиза понимает, что если сейчас он подойдет...

Лиза кричит.

Вода накрывает ее с головой.

Через некоторое время она находит себя сидящей на полу. В кабинете почему-то темно и очень холодно. Она чувствует, как ноги и руки ходят ходуном. Платье задралось куда-то. За окном горит фонарь и, кажется, идет снег. Митя обхватил ее двумя руками и крепко держит, то ли ее ограждая от мира, то ли мир – от нее. Пол вокруг них стал совсем белым, он покрыт ссыпанными с Митинога стола документами. На некоторых – темные блестящие пятна, в них отражается свет фонаря.

С трудом к ней пробивается ощущение болезненной пульсации – вначале в коленях, потом – под кожей лица. Лиза высвобождает руку, подносит ее к голове, наугад дотрагивается до носа. Больно и мокро.

– Не успел подхватить, – говорит Митя где-то у ее уха, осторожно, постепенно размыкая руки, давая ей возможность осваивать пространство – понемногу, не сразу.

Лизу вздергивает под потолок. Она висит там и видит, как на полу, во внезапно наступившей темноте, под разбитой лампой, скорчились две фигуры, а вокруг них – окровавленная бумага, а чуть дальше лежит разбитый монитор, а еще дальше самодовольно светится отвлечительно гладкий стол, а за распахнутым окном фонарь и снег.

Это кино. Совершенно определенно, это кино.

Одной рукой прижимая Лизу к себе, Митя едва заметно дотрагивается до ее волос, тихонько гладит по голове. Она вздрагивает под каждым его прикосновением, но чувствует, что вода, которая только что колотилась в глаза, оставляет ее, откатывается крупной серой волной, уходит в пол, исчезает.

Лиза возвращается в себя.

– Я все вспоминаю, как тебя тогда в отделение привезли, – говорит Митя куда-то в Лизин затылок. – Ты такой детеныш еще была. Сколько тебе было? Двадцать шесть? Я не поверил, когда увидел паспорт. Тряслась вся, вот как сейчас, глаз заплыл, нос разбит, руки изрезаны... Помнишь?

– Да, – шепчет Лиза в ответ. – Что ты подумал тогда? Пожалел?

– Нет. Знаешь, я все думал: откуда в тебе столько сил драться?

– Как у супергероев?

– Как у супергероев.

Лиза чувствует, как волосы наполняются теплым Митиным дыханием. Она ежится.

– И еще я думал... как бы здорово было, если бы тебе больше никогда не пришлось драться.

– Что?

– Ты очень ранишься, когда дерешься. Посмотри на себя: драка еще не началась, а ты уже вся в крови. Ты мне очень помогаешь всегда, это правда, но как бы я хотел, чтобы тебе не приходилось...

Лиза высвобождается.

Митя отпускает ее и помогает встать.

– Водички попей. Удержишь стакан?

Поздно спросил. Руки совсем отвыкли обходиться без помощи. Лиза роняет стакан, он падает на бумаги – не разбивается, но крутится, как волчок, и заливает водой все вокруг.

– Псст... – говорит Митя. – Жалко. Документам совсем кранты. И вода последняя. Из чайника ж ты не будешь пить. Пойду налью в твой графин.

Лиза молчит о бутылке в рюкзаке. Ей хочется, чтобы он ушел. Оказывается, не очень-то ему нужна ее дружба, ее помощь. Он бы хотел обойтись без нее.

Митя выходит из кабинета. Лиза осматривается. Настольная лампа разбита. Электричество. Не стоит трогать. А вот бумаги нужно попытаться спасти. Никто не запретит помочь с уборкой – сама разнесла, самой и прибирать.

Она опускается на изодранные колени и поднимает листочки один за одним, собирает неповрежденные в папку, откладывает в сторону совсем испорченные кровью или водой. Как много в ее носу крови, оказывается.

Под бумагами она находит пачку влажных салфеток. Кое-как, комкая грязные квадратики, обтирает лицо и руки. Последней салфеткой обрабатывает колени. Даже странно, что они так болят, ссадины-то совсем пустяковые. Использованные салфетки Лиза аккуратно запихи-

вает обратно в опустевшую пачку и продолжает разбирать бумаги, немножко радуясь, что на них больше не остается неряшливых кровавых отпечатков.

Заявление раз, заявление два... А вот что-то напечатанное. Таблица. Лиза любит таблицы. В отличие от обычного текста они очень разумно и комфортно устроены.

Она разглядывает листок. В таблице четыре колонки: порядковый номер, дата, имя, адрес. Семьдесят две ячейки. В колонке с именами Лиза встречает Куликовских, Семеновых, Пахомовых – будто старых знакомых. А еще тут Мещеряковы, Коробейниковы, Гришины... Всего семнадцать имен. И адреса. Лизе нравятся адреса. Они как код. Сразу можно представить, как человек живет.

Лиза хорошо знает город. В детстве ей очень нравилось разглядывать карты, составлять маршруты и потом проходить их. Когда они с бабушкой шли по маршруту, Лизе всегда было интересно и она никогда не убегала. До сих пор она отлично помнит, сколько шагов от улицы Луначарского до улицы Пушкина, а от нее – до Краснова... Глядя на адреса в четвертой колонке, Лиза мгновенно составляет по ним маршрут.

Входит Митя – и Лиза вкладывает таблицу с именами и адресами в папку, куда уже успела собрать остальные выжившие документы.

– Еще не хватало, чтобы ты у меня тут уборкой занималась. Мало тебе, что ли? – Митя помогает ей встать. – Павлова сейчас позову, приберем с ним. А тебе такси вызвал. Бабушка звонила, волнуется. Езжай домой. Сама доедешь?

Лиза кивает.

– И подумай о том, что я тебе сказал. Не нужно тебе с ним драться. Оставь это дело.

Лиза снова кивает, надевает куртку, берет рюкзак и выходит из кабинета.

Эпизод 2263

В такси привычно пахнет синтетической ванилью и прокуренной одеждой. Таксист начинает что-то рассказывать, о чем-то спрашивать, и Лиза напяливает наушники, отгораживаясь от белого шума его голоса. Глянув на нее в зеркало заднего вида, он перестает шевелить губами.

Лиза гоняет в уме визир логарифмической линейки – так, что цифры под ним становятся почти неразличимыми. Зато это отлично отвлекает ее от серо-зеленых мыслей о Мите. Лиза решает отложить их на следующее утро, когда не надо будет спать и торопиться и она сможет как следует обдумать то, что Митя сказал ей, и, может быть, даже рассказать о его словах бабушке.

В кои-то веки Лизе не надо ни торопиться, ни отбиваться, и она, почти впад в транс, замороженно наблюдает, как постепенно запотевают лобовое стекло, а потом таксист включает обдув, и тогда область запотевания – красно-золотой туман, каждой микроскопической капелькой отражающий свет фонарей и фар, – сдается под дыханием вентиляторов, постепенно отступает, теряется и гаснет. Стекла снова чисты и прозрачны. В голове приятно звенит пустота.

Таксист тормозит у ее подъезда, молча возится со своим телефоном, но, когда она протягивает ему деньги, говорит:

– Не нужно. Ваша поездка уже оплачена онлайн.

Лиза знает, кем оплачена поездка, но отодвигает от себя имя и вылезает под снег.

Ключи из рюкзака она вытащила, как только села в такси, вместе с наушниками, всю дорогу держала их в кулаке и теперь с трудом разжимает пальцы – они обтекли металл, как отливочная форма, – прислоняет к датчику ключ-таблетку и аккуратно, стараясь не касаться двери, входит в подъезд.

Дверь не скрипит. Это приятно, и Лиза концентрирует на ней внимание: на пружине блестит крошечная пахучая капелька масла, на желтоватой плитке внизу – еще одна, пока не затоп-

танная грязными ботинками возвращающихся под вечер соседей, и Лиза совершенно отчетливо видит бабушку: она спускается, чтобы позаботиться о двери.

Придерживая пружину, бабушка капает масло из специальной плоской бутылочки с острым носиком и припаянной к нему крышечкой и покачивает дверь, прислушиваясь. По подъезду разносится пронзительный запах старой швейной машинки. Дверь довольна и благодарна бабушке, и Лизу охватывает желание быть причастной к этой благодарности, так что она задерживается еще на миг и как раз успевает подхватить третью каплю, ставшую на холоде тягучей, и вернуть ее пружине, а затем тихонько закрывает дверь, прислушиваясь к удовлетворенному гудению механизма.

Обычно с наступлением зимы дверь скрипит чудовищно, и это каждый раз заставляет Лизу сжиматься, делая все внутри еще более плотным. А так как к вечеру после работы плотность внутри Лизы по ее субъективным ощущениям составляет около семидесяти девяти тысяч килограммов на кубический метр (точнее подсчитать сложно), Лиза опасается, что рано или поздно внутри нее произойдет небольшой взрыв, по мощности сопоставимый со взрывом тринадцати тысяч тонн взрывчатки в тротиловом эквиваленте.

Вообще-то подобный взрыв никак нельзя назвать небольшим. Лиза тихонько смеется. Но вот так взорваться было бы крайне невежливо по отношению к соседям, да и бабушке не понравилось бы. Так что к вечеру Лиза старается избегать всего, что способно увеличить плотность, а если не может повлиять на какие-либо вещи или события, просит об этом бабушку. Ее вообще можно попросить почти о чем угодно, и она всегда старается выполнить просьбу, не задавая никаких лишних вопросов. Лиза очень ценит это качество.

Проходя мимо лифта, Лиза на секунду останавливается, чтобы провести пальцем по кнопкам, дожидаясь, когда лифт распахнет перед ней створки, и взглянуть в идеальное пространство пустой кабины. Вечером она никогда не отказывает себе в этой небольшой радости – посмотреть маленькое кино о том, кто уже пришел сегодня домой. Лиза удивлена: сегодня лифт и его кнопки выглядят так, будто ими вообще никто не пользовался. Это странно, такого еще не бывало.

Лиза выходит на лестницу и отправляется к себе на седьмой.

Она никогда не входит в лифт – по двум причинам. Во-первых, Лиза понимает, что, как только двери лифта захлопнутся за спиной, взрыв внутри станет так же неизбежен, как приход контролеров, проверяющих счетчики горячей воды и электроэнергии. А во-вторых, если предпочесть лестницу, можно минимизировать вероятность встречи с соседями – при этих условиях вероятность понижается до рекордного значения в ноль целых три десятых процента. Мало кто после рабочего дня пойдет домой по лестнице.

Но сегодня все иначе. Видимо, лифт неисправен, вот почему его кнопки никто не нажимал.

Сзади появляется Ваня, внук Марьи Семеновны с шестого этажа. Он тащит две здоровенные сумки, а потому только приветственно крикает, увидев Лизу, и спешит ее обогнать. Лиза по запаху понимает, что где-то рядом – наверное, следом за ним – идет сама Марья Семеновна, и, надвинув пониже капюшон, прибавляет шаг. Но это ошибка – с людьми никак не обойтись без ошибок. Марья Семеновна ковыляет навстречу внуку, так что она надвигается на Лизу сверху, на ходу суетливо запахивая замызганную вязаную кофту. Лиза никак не может определить цвет кофты. Очевидно, ее давно следовало бы постирать, а то и выкинуть.

– Лизонька! Здравствуй, девонька! Как дела твои? Ну, не отвечай, не отвечай! Привет бабушке. Скажи, завтра поднимусь, сегодня уже сил нет.

Лиза машинально поправляет правый наушник и огибает Марью Семеновну по широкой кривой, стараясь не задеть ее ненароком. Вечером она позволяет себе не обрабатывать входящие от малознакомых людей.

Поднимаясь дальше, она какое-то время еще улавливает обрывки разговора:

– ...бала эта ненормальная, того и гляди тюкнет кого-нибудь по башке. Так зыркает злобно на всех... – Это голос Вани. Марья Семеновна вяжет по этой основе:

– ...орю Лиде: надо... учреждение... От таких чего угодно...

Обрывки пролетают и истаивают в подъездных сумерках. Хлопает соседская дверь.

Перед своей дверью Лиза на секунду замирает, готовясь к встрече с бабушкой. Потом аккуратно вешает рюкзак на крючок у двери и отпирает один замок за другим. Топчет коврик ритуальные три раза, возвращает себе рюкзак и входит в квартиру, бесшумно прикрывая за собой дверь. Бабушка на кухне, и это хорошо. Лиза ставит рюкзак на обувную полку, снова, стараясь не шуметь, закрывает дверь на все замки и только после этого снимает куртку и вешает ее на крючок со львенком, намертво прикрученный на уровне ее талии. Нежно гладит львенка по эмалированной гриве. Разуваётся и ставит ботинки на обувную полку. Снова берет рюкзак, к которому тянется провод наушников, и проходит в комнату. Закрыв за собой дверь, ставит рюкзак на стул, открывает его, достает бутылку с водой и отвязывает от нее провод.

Зажмурившись, Лиза снимает наушники – и внезапно из стен, из окна, из-за двери – отовсюду сразу – в Лизу начинают бить тугие струи звуков. На кухне что-то доказывает бабушке телевизор; соседи слева со скрежетом и дребезжанием бутылок распахидают древний холодильник; соседи справа открывают форточку и выпускают в нее проржавевший женский крик; голубь или крыса возится в вентиляционной трубе, что-то роняет, замирает и снова начинает шебуршать; шумно падает снег за окном; на помойке покрикивают галки; кто-то выходит из подъезда и идет по новому снегу – мерно шагают две ноги, рядом приплясывают еще четыре.

Эти струи, наверное, сбивали бы ее с ног. Но они бьют одновременно со всех сторон, создавая иллюзию того, что Лиза удерживается в вертикальном положении благодаря собственным усилиям, хотя, по Лизиным подсчетам, на то, чтобы не затыкать уши, вечерами уходит гораздо больше сил, чем на то, чтобы удерживаться на ногах. Поразительно: некоторые люди, знает Лиза, намеренно направляют в надетые наушники струи звуков, чтобы сконцентрироваться только на них, выключить остальной мир. Однажды Лиза подсоединила наушники к телефону и направила в них бабушкиного любимого Баха. Даже вспоминать не хочется, что было потом. Лиза аккуратно сворачивает провод, убирает наушники в чехол, затем закрывает рюкзак и убирает его под стол, в специальную нишу.

В комнате Лизы идеальный порядок: спокойные серые тона, спартанская металлическая мебель, пустые шероховатые поверхности. Это успокаивает. Бабушка то и дело норовит добавить какой-нибудь “уютный пестренький текстиль”, но Лиза непреклонна – чтобы перезарядиться, ей позарез нужна именно такая серая глухая капсула. Она мечтает заложить кирпичом окно и наглухо замуровать вентиляционное отверстие, но каждый раз, когда об этом заходит разговор, бабушка проворно гуглит и подсовывает Лизе санпиновские нормы, составленные, кажется, специально для того, чтобы Лизу и других порядочных граждан всегда было хорошо видно и слышно.

На секундочку Лиза присаживается на стул, кладет руки на стол, а голову на руки и представляет себя воткнутой в розетку, но тут же спохватывается: с минуты на минуту войдет бабушка. Она не должна увидеть колени и нос, так что нужно сделать все быстро.

Лиза выдвигает ящик стола, тащит оттуда стопку разноцветных деревянных шестеренок, будто снятых с детской пирамидки. На теплой темной стене выстроились в ряд сияющие латунные шпеньки. Глубоко вдохнув и задержав дыхание, Лиза подходит к этим шпенькам и аккуратно развешивает на них шестеренки – от меньшей к большей, закручивает их – от большей к меньшей, а затем выдыхает – и слушает, как они шуршат и звенят – так, что пропадают все остальные звуки вокруг, – и смотрит, как они крутятся. Этого момента она ждет весь день, каждый день.

Пока шестеренки еще движутся, она открывает шкаф, изнутри он заполнен серым и черным. Лизе нравится смотреть на серую ткань, глаза отдыхают. Серый даже пахнет по-особен-

ному – покоем, тишиной, свободой. Аккуратно, стараясь не задевать ноющий нос, Лиза стягивает испачканное платье и остается в одном сером спортивном белье. Сморщившись и втянув побольше воздуха, она одним движением сдирает с колен присохшие колготки, комкает их в кулаке, промакивает ими выступившие шарики крови.

Лиза старается не смотреть на свои руки, которые покрыты густой беспорядочной сеткой белых твердых шрамов, и не дотрагиваться до них. Шрамы кажутся ей червяками и, стоит только обратить на них внимание, начинают едва заметно копошиться на коже. Это вызывает ужасный зуд. Стоит разок взглянуть – и расчешешь руки до крови. Это плохая привычка, говорит бабушка. Лиза согласна, нет в ней ничего хорошего.

Она достает из шкафа темное худи с длинными рукавами, брюки и сменный комплект белья. Перед тем как выскользнуть из комнаты, еще раз закручивает шестеренки. Такая игра: нужно успеть принять душ, пока они вращаются. В кухне бабушка громко спорит с телевизором, так что Лизе удастся проскользнуть в ванную незамеченной.

По расписанию сегодня мытье головы. Лиза очень не любит пропускать тренировки. Она присаживается в душевой кабинке на корточки и подставляет затылок под струю горячей воды. По затылку волнами расходится приятная ломота, а вода, стекающая с волос, становится чудесного розового цвета.

Лиза считает про себя: сто семьдесят девять – Волго-Дон – сто восемьдесят. Высвободив волосы из воды, она быстро намыливает голову. Шампунь ужасно холодный, нужно было нагреть его под водой, как обычно делает бабушка, – и тут же смывает. Готово, голова помыта. Тренировка закончена. Лиза трет волосы полотенцем и закручивает вокруг головы замысловатый тюрбан: она терпеть не может ходить с мокрыми волосами, но при мысли о фене ее передергивает – только не сегодня. Другим полотенцем Лиза оборачивается сама. Ноги можно вымыть и в раковине.

Видимо, вся удача, которой так не хватало в течение дня, осталась Лизе на вечер, потому что она успевает не только как следует вымыться и обработать ссадины, но и одеться, и вернуться в комнату, и по новой запустить шестеренки.

В дверь стучат. Не дожидаясь ответа, в комнату входит бабушка. Она внимательно смотрит на Лизу. Лиза какое-то время стойко выдерживает ее взгляд, не отводя глаз.

Тренировку прямого пристального взгляда Лиза считает самой важной, а потому в расписании их три: по средам, пятницам и воскресеньям. Лиза находит какое-нибудь видео с бабушкой или Митей, включает его и, дождавшись взгляда в камеру, ставит на паузу, запускает секундомер и смотрит в глаза, стараясь не отворачиваться и даже не моргать. Что бы ни случилось, бабушка и другие должны видеть: у Лизы достаточно ресурсов, чтобы поддерживать себя в равновесии и вести себя социально приемлемым образом. А для этого надо смотреть в глаза.

Через несколько напряженных секунд Лиза решает, что на сегодня достаточно, и позволяет себе перевести взгляд.

Бабушка подходит вплотную и обнимает Лизу. У Лизы нет уже сил обнять бабушку в ответ, но потерпеть прикосновение она еще может, а потому неподвижно и молча стоит со сжатыми кулаками, рассматривая бабушкину макушку, пока бабушка тихонечко покачивает ее, как маленькую. Узлы в теле Лизы понемногу распускаются, кулаки разжимаются. Будто почувствовав это, бабушка отпускает ее.

– Матвей Борисович довольно давно тебя отправил. Уже дважды отзвонился – приехала ты, нет. Каталась, а? – спрашивает она темно-зеленым тоном, и Лиза думает, что можно пока не отвечать.

Не дождавшись ответа, бабушка вздыхает и вдруг говорит:

– Что-то ты мне сегодня не нравишься. Психовала опять? Пойдем-ка.

Тон ее голоса становится отчетливо лиловым.

– Лиза есть не будет, – на всякий случай говорит Лиза. – Не хочет.

– Да знаю я, что не хочет. А стоило бы. Вон тощая какая. Ладно, иди давай на кухню, есть никто не заставляет.

Бабушка выходит из комнаты. Лиза еще раз предупреждает на всякий случай:

– Никакой еды.

– Иди давай сюда, говорю, – кричит с кухни бабушка.

Лиза еще раз запускает шестеренки и послушно идет, куда велено.

На кухне тепло и спокойно. В углу стол. Над столом – низко висящий соломенный абажур. Отчего-то он кажется Лизе бывшей хлебницей. Забавное ощущение едва уловимой неправильности. Но абажур ей нравится. Раньше – когда бабушка только принесла его в дом, “отхватив”, как она выражается, где-то на барахолке, – абажур рассказывал Лизе немало занятных историй.

Лиза знала, что если посмотреть на него со стороны плиты, то увидишь девочку, собирающую на сжатом поле оставшиеся колоски. Из колосков быстро собирался небольшой снопик, который в конце концов приходилось обхватывать двумя ладошками, иначе до дома не донести.

Посмотрев на абажур из своего угла, Лиза видела старого человека с узловатыми рас­трескавшимися пальцами. Человек доставал из-за голенища короткий нож с широким, чуть загнутым на конце лезвием, ловко поигрывал им, правя лезвие на ремне. Убедившись, что нож достаточно острый, в сгустившейся вечерней полутьме человек размеренно водил ножом по расплюснутым соломинкам, выглаживая их, чтобы потом уложить в выдолбленное корытце, наполненное молоком. Приглядевшись попристальней, можно было заметить, что и глаза старика тоже налиты молоком до краев. Лизу странно успокаивала эта история.

А вот от двери на абажур Лиза старалась не смотреть – с той стороны была только беспросветная женская старость и смерть. После такого неосторожного взгляда в голове Лизы надолго поселялся навязчивый вопрос: кто это умирает? Неужели та самая девочка с колосками?

Поначалу Лизу охватывало ощущение, будто абажур целиком сплетен из одних только историй. Но потихоньку истории рассказывались, истончались и истаявали. И вот наконец из-под них проступила бледно-желтая соломка плетения, кое-где образующая замысловатые узоры, и Лиза полюбила проследивать взглядом ход какой-нибудь из соломинок, всякий раз изумляясь, под какими неожиданными углами она изгибается, не ломаясь при этом.

Бабушка радовалась этой дружбе.

– Что, Лизок, опять на лампе залипла, а? – говорила она светло-оранжевым, газировочным тоном, и Лизу ужасно смешил этот тон.

Сегодня Лизе не до смеха. Она входит на кухню, без опасения скользнув взглядом по давно онемевшему абажуру, садится к столу. Бабушка, достав из шкафа прозрачный пластиковый конверт, усаживается напротив. В конверте у бабушки – стопка круглых карточек всевозможных цветов и оттенков – для разговора по душам.

– Ну что, Лизок, поговорим? – теплым тыквенным тоном говорит бабушка. Она сдвигает на край стола чайник и сахарницу и раскладывает перед Лизой карточки. Лизе вдруг хочется проделать в каждой дырку и развесить по латунным шпёнкам вместе с шестеренками. Интересно, получится или нет закрутить их как следует?

Подперев голову рукой, Лиза разглядывает ровные ряды карточек. Они отличаются не только цветом – на каждой нарисован эмодикон. Так Лиза может поделиться своими чувствами и понять чувства бабушки, потому что слова в их мире не значат ровным счетом ничего. Зато правильно выбранной карточкой можно рассказать практически обо всем. Улыбка означает радость и спокойствие, перевернутая улыбка – неприятности, а еще есть губы ниточкой – это когда чем-то недоволен, но затрудняешься объяснить, чем именно.

Сегодня Лизе хочется выбрать фиолетовую карточку с унылой мордашкой. Фиолетовый – цвет разочарованной усталости, и это совсем не то же самое, что травянисто-зеленая, радостная и честная усталость после целого дня работы.

Лиза вздыхает. Честность – один из основных ее принципов. Не потому, что положено и хорошо быть честным. Просто невысказанная правда гниет в ней, и в те редкие моменты, когда она утаивает от бабушки что-то важное, она чувствует смрад, исходящий изнутри. Первое правило Лизы – всегда говорить правду. Но быть честной бывает трудно.

У Лизы есть знакомый – ужасный урод, если уж начистоту: уши кривые, нос расплюснутый, губы одна налево, другая направо, – но Лиза никогда не говорит ему, что он урод, потому что он и сам знает это про себя, расстраивается от этой правды и плачет. Обычно для Лизы правда важнее, чем вежливость, но тут этот принцип неприменим. Лизе гораздо невыносимее видеть его плачущим, чем сдержаться, поэтому она молчит о его внешности. Что он красивый, она тоже не говорит и, значит, не обманывает, а просто придерживает всем известную правду при себе. Но бабушка правды не знает, а Лизе совершенно не хочется расстраивать ее. Лиза понимает, что любое расстройство может повредить бабушкиному сердцу, впиться в него изо всех сил, грызть ребра и левую руку, которую бабушка долго будет баюкать потом.

Сегодняшний день бьется внутри Лизы, хочет стать словами или хотя бы фиолетовой карточкой. Но нельзя никак. И хотя ее рука уже зависла над карточкой, Лиза помнит шахматный принцип и не спешит коснуться ее, колеблется и все-таки выбирает соседнюю, травянисто-зеленую, с широкой радостной улыбкой. Ей становится даже немного легче, когда она это делает. На этом можно закончить.

Не дождавшись ответной бабушкиной реплики, забыв о том, что бабушка тоже должна выбрать себе карточку, одним движением Лиза сгребает пасьянс, кое-как формирует неровную стопку, запикивает в конверт, протягивает конверт бабушке. Бабушка роется в конверте, находит фиолетовую карточку, вертит ее в руках.

Лиза видит, как бабушка рассеянно охлопывает карманы фартука в поисках маленького белого цилиндрика с нитроглицерином и наконец достает таблетки из нагрудного кармана. Лиза срывается с места и убегает к себе в комнату. Ей кажется, бабушка и так все про нее знает, безо всяких карточек. Лиза удивляется тому, как неприятна ей эта мысль.

Она сидит без движения у стола – чтобы можно было дотянуться до стены, прислушивается к бабушкиным движениям и крутит, крутит шестеренки. Вот бабушка наконец встала. Ширк-ширк – открылся ящик, закрылся ящик. Это она убрала конверт. Щелчок. С таким звуком открывается дверца подвешенного шкафчика. Лязг – это холодильник. И Лиза будто знает, что будет дальше. Хотя, впрочем, она действительно знает. Потому что сегодня суббота, время...

– Лиза, блендер! – чуть повысив голос, говорит с кухни бабушка.

Лиза готова. Она выходит к двери, переобувается, подхватывает ключи с крючка, выскальзывает из квартиры и бесшумно прикрывает дверь. Услышав приглушенный звук блендера, привычным жестом затыкает уши, переминается с ноги на ногу, терпеливо переживает, когда все закончится. Наконец звук стихает, бабушка подходит к двери с той стороны. Она долго возится с ключами и, когда дверь распахивается, ворчит уже совершенно обычным голосом:

– И незачем, я считаю, каждый раз запирать меня на все замки.

Лиза аккуратно и молча переобувается. Бабушка оглядывает ее.

– Может, давай чаю? – неожиданно говорит она. – Я паштет печеночный сделала, теплый еще. Нажарим тостов, разрешу чаю покрепче, как ты любишь. Хочешь, а, Лизок?

Лиза заходит в свою комнату и закрывает за собой дверь.

Утро воскресенья – единственное, когда не срабатывает будильник. Но Лиза все равно просыпается в пять, бодро подскакивает с кровати – и обнаруживает, что за ночь коленки успели отмокнуть и намертво присохнуть к простыне, а одеяло внутри пододеяльника непостижимым образом перекутилось. Кое-как доковыляв до стола, Лиза тихонечко поливает про-

стыню и колени водой из бутылки и аккуратно отсоединяет ткань от кожи. Простынку придется застирать. Но вначале надо привести в порядок постель.

Лизино утро разграфлено раз и навсегда: встать, заправить кровать, сделать зарядку, умыться, переодеться из ночного в дневное, выйти к завтраку, а если день рабочий – а у Лизы почти каждый день рабочий, – то снова переодеться, из домашнего в уличное, и отправиться на работу. В семь уже следует быть на месте.

В этой таблице она чувствует себя числом, логично и последовательно переходящим из одной ячейки в другую. Это очень комфортное ощущение, а потому простынка укладывается бесформенной кучей на пол у двери, из шкафа достается сменное белье, постель перестилается, одеялу придается приемлемое положение и все это накрывается ожесточившимся от времени шерстяным пледом. В воскресенье вместо выхода на работу Лизу ждет очередная тренировка, а потому она старается сделать все побыстрее, чтобы осталось больше времени.

С зарядкой возникают сложности. Лиза привыкла к комплексу упражнений, в котором постоянно приходится приседать и вообще активно двигать ногами. Преодолевая нарастающее в коленках беспокойство, она добросовестно приседает положенные тридцать семь раз, выполняет запланированные приседания с выпадом, отмахиваясь от беспокойства, переходящего в боль, и наконец через одну из ссадин пролегает глубокая трещина, и по Лизиной голени бежит капля крови.

Этого еще не хватало.

Лиза достает из шкафа аптечку, выуживает бутылек со спиртом и стерильные салфетки и обрабатывает рану, а затем чистой салфеткой протирает заодно и пол. Полу приятно. Чего не скажешь о коленях. Теперь придется наклеить пластырь, иначе кровь так и будет бежать и портить одежду. По-хорошему, еще вчера надо было.

Лиза беззлобно ругает себя, ощущая, что тем самым отодвигается от подробностей вчерашнего дня и необходимости принять сразу два решения, не дает всему этому завладеть ее мозгом и выбить ее из таблицы.

После зарядки Лизе снова везет: волоча простыню застирывать, она сталкивается с бабушкой. Но бабушка просто говорит:

– Что, эти дни у тебя? Раньше в этом месяце, а? Скажи, когда закончатся, я отмечу.

Лиза что-то бурчит в ответ, и вопрос закрыт.

Застирав простынку, она бросает ее в барабан машинки вместе с остальной своей грязной одеждой. Вообще-то не годится так поступать: льняное постельное белье следует стирать отдельно от синтетических тканей, а кровавые пятна сперва застирывать ледяной водой, но Лиза внезапно понимает, что готова нарушить это нерушимое в общем правило. Она позволяет себе не задумываться о нем, гонит из головы мысли об этой неправильности, что тоже здорово занимает ее на какое-то время. По крайней мере, дает ей относительно спокойно умыться.

– Лиза хитрая, – бормочет она себе под нос. – Лиза очень хитрая. Лиза обхитрила всех.

И хотя это явное преувеличение – пока что Лиза обхитрила только себя, да, может, еще бабушку, – мозгу приятно. Очередная косточка.

Мозг виляет хвостом, Лиза ловит в зеркале собственную довольную ухмылку.

Наскоро почистив зубы – лицо мыла вечером, с утра необязательно! – Лиза решает, что сэкономленного времени ей хватит, чтобы провести тренировку перед завтраком. Это явное нарушение таблицы, но сегодня Лиза чувствует себя способной еще на один маленький бунт. Все вместе тянет даже на небольшую революцию. Эта мысль отчего-то страшно веселит Лизу. Раздумывая, что бы такое еще сегодня нарушить, она садится за стол и достает из ящика очередную книгу.

Эта тренировка Лизе нравится больше других. Каждый раз в крови бурлит любопытство: сможет ли она? Справится ли на этот раз? Чтение – само по себе занятие изматывающее, требующее огромных ресурсов. А Лиза не просто читает, она выбирает для чтения самые

страшные тексты. Пугаться о книгу даже приятно – в основном потому, что в любой момент можно прервать чтение, и кошмар кончится. Захлопни книжку – и ты снова в своей комнате. Только с одним текстом не срабатывает этот нехитрый Лизин приемчик. Книга эта, “Цветы для Элджернона”, вызывает у нее такой беспредельный ужас и вместе с тем такое небывалое желание читать дальше, а после чтения так долго не выпускает из себя – захлопывай не захлопывай, – что она даже смотреть на нее избегает, но все равно держит ее в своей комнате, на подоконнике, – тоже своего рода тренировка, хотя в качестве компромисса книга обернута синей бумагой в звездах, оставшейся от позапрошлого новогоднего подарка. Так, в бумаге, она гораздо спокойнее и позволяет Лизе хотя бы не наткаться взглядом на название, хотя Лиза все равно отлично помнит, как выглядит обложка: бессмысленно красивый парень в рабочем комбинезоне держит на раскрытой ладони мышонка Элджернона, а из нагрудного кармана у него торчит растрепанный букет то ли ромашек, то ли маргариток – в общем, каких-то полевых цветов, и от всей этой мешанины, до боли искажающей, запудривающей суть текста, Лизе больно почти физически.

Кстати, “Осиную фабрику” Бэнкса, которую Лиза читает сейчас, она тоже обернула бумагой. Это не настолько страшная книга, но обложка у нее, может быть, даже более безумная. Почему нельзя делать их как раньше – темными, однотонными, без всего этого кричащего глянца с нагромождением зачастую противоположных символов, окончательно сбивающих с толку и одновременно втыкающихся в мозг, как обойные гвоздики?

Лиза не торопит себя, читает не больше трех страниц за раз, но потом долго думает о книге, представляет себя в ней. Каким надо быть человеком, часто думает Лиза, чтобы вообще писать о таком, больном и страшном? Если бы Лиза была писателем, она ни за что не стала бы закреплять и множить такое на бумаге. Ее герои просто выходили бы на улицу и шли куда-то под снегом или дождем, безуспешно пытаясь защититься от холодной воды хотя бы самое теплое и живое, а потом возвращались домой и сидели бы дома – нахохлясь, отогреваясь, – пили бы крепкий сладкий чай, ели бы тосты с паштетом...

Лиза с удивлением чувствует, что даже немного проголодалась, и пытается вспомнить, когда ела последний раз. По всему выходит, что вчера утром. Утром положено есть, потому что таблетки, тут уж никуда не денешься. Но сейчас ей и вправду хочется. Лиза глядит на часы. Часовая стрелка приближается к семи. Потому и хочется, что пора. Но текст держит ее, не дает оторваться, и Лиза читает еще страницы полторы, прежде чем заложить нужную страницу тоненькой закладкой из резной меди с зеленой шелковой кисточкой – бабушка подарила – и убрать книгу в ящик.

После тостов с паштетом Лиза наконец разрешает себе подумать о вчерашнем. Мысли о Мите откладывает на потом. Вначале нужно решить, как быть с Владимиром Сергеевичем завтра, как подступить к разговору с ним.

Лиза долго репетирует, подбирает слова.

“Лиза знает, что вы делаете с детьми, Владимир Сергеевич!”

Нет, не так. Надо конкретнее. И внятно. И один раз: “Лиза знает, что вы злоупотребляете...”

Нет, она будет волноваться и не выговорит сложное слово. Нужно сразу, и чтоб он понял, что все всерьез.

“Лиза в курсе, что вы обманываете доверие пациентов, Владимир Сергеевич. И полиция тоже в курсе”.

Да, полиция! Пусть он знает, что Лиза обратилась в полицию. Это правильно, это должно его испугать. Он испугается и сам придет сдаваться. Так будет даже лучше.

Лиза радуется, что наконец сможет позволить себе соблюсти собственное первое нерушимое правило – сказать Владимиру Сергеевичу правду, которая уже порядком разъела ее

изнутри. С бабушкой таким делиться немислимо, а вот Владимиру Сергеевичу она скажет. Следовать правилам легко и приятно.

Первые правила появились, когда мама уехала в командировку. Бабушка сказала Лизе, что они теперь будут жить в ее квартире, вдвоем. Лиза хорошо помнит, каким кошмаром это обернулось.

Мама была веселая и ровная – подумав о ней, Лиза совершенно некстати вспоминает Ясю. Мама была такая же, как Яся, – легкая, вот какая она была, и Лизе тоже было легко рядом с ней. Бабушка оказалась совсем другой.

Бабушка совсем не смеялась, и поначалу, пока она не объяснила Лизе про аллергию, Лиза думала, что бабушка все время плачет, и постоянно хотела знать почему.

Вообще-то Лиза и сама плакала. И совсем не хотела говорить с бабушкой – ни об этом, ни о чем другом. Не только потому, что мамы вдруг не стало рядом, а еще и потому, что бабушка постоянно пыталась настоять на своем, заставить Лизу поступать так, как она считала нужным. Битвы велись не на жизнь, а на смерть.

– Я тебя через колено переломлю, упрямая девчонка! Вся в мать! – кричала бабушка.

Вначале умываться, потом делать зарядку. Месяц в слезах.

Зашторивать окна перед сном. Полгода изматывающей бессонницы.

Плотно завтракать, обедать и ужинать. Тяжелый год.

Лиза представляла, как она ломается пополам, словно сухая ветка, под бабушкиным устойчивым каблуком. Ломается и вдавливается в мокрую землю. Так ей и надо, капризной и избалованной девчонке. Только это и заслужила. Потому и мама уехала. Потому что жить с Лизой невозможно.

Лиза не умела объяснить, что просто не может спать в комнате с зашторенным окном. Это сейчас она бы с радостью закупорилась со всех сторон, а тогда было очень страшно, как будто тебя зарыли под землю.

Не может плотно есть в обед и особенно вечером. Потому что потом ночью снятся кошмары.

И совершенно никак не может вначале мыть подмышки, а уже потом потеть на зарядке, иначе потом от одежды нестерпимо воняет и все чувствуют этот запах и злятся на Лизу.

Лиза была уверена, что бабушка понимает всю невозможность этих действий, а на своем стоит просто из принципа. Будто она старуха из сказки – злобная, сумасшедшая. Будто она хочет сжить Лизу со свету.

Года два понадобилось, чтобы бабушка сообразила, что происходит. К этому времени Лиза начала заикаться, а потом и вовсе замолчала. Чуть из школы не выгнали. Бабушка потащила ее к невропатологу, тут-то все и прояснилось. Прямо при Лизе доктор сказал бабушке, что давить больше нельзя, придется договариваться. А еще сказал, что это не капризы, а особенности. Бабушка заплакала от радости, что Лиза особенная. Лизе тоже было приятно. В тот же вечер, придя домой, бабушка усадила Лизу на диванчик в своей комнате и пожаловалась – будто бы в воздух – что не знает ни одного правила из тех, по которым Лиза живет.

Лизе снова пришлось нелегко. Одно дело – следовать правилам, как можно поступать иначе? Другое дело – рассказать о них, сделать их словами. Но бабушка – впервые! – готова была помогать Лизе. Она подсунула Лизе блокнот, начала задавать наводящие вопросы, и Лиза сочла возможным ответить. Так, шаг за шагом, они сформулировали и записали все на свете Лизины правила. Помогли ли таблетки, как сочла бабушка, или это правила вылечили ее, как считала Лиза, но она заговорила опять, а через некоторое время и заикаться перестала.

Правда, кое-что еще не давало Лизе покоя. Бабушка обещала, что теперь людям будет проще понять Лизу и общаться с ней. И действительно, с бабушкой стало значительно легче. Но с другими людьми, особенно в школе, легче не стало – ни тогда, ни потом. Лиза до сих пор не может понять, был ли бабушкин обман намеренным.

Лиза вдруг вспоминает свое Правило номер четыре: “Чтобы принять решение, Лиза должна понять, какова цель предполагаемого действия”. Что же за цель у нее? Рассказать все, о чем она узнала? Безусловно. Но вот она, допустим, расскажет. Лиза ощущает невероятное облегчение даже при мысли об этом. Но что последует за облегчением? Какие цели окажутся достигнутыми? Очевидно, Лиза потеряет работу. Получит запоминающийся эпизод, тут уж ничего не попишешь. Возможно, не один, а целую серию. Вероятно – и скорее всего, – попадет в больницу. Наверняка расстроит Ясю. Конечно же, подвергнет риску благополучие бабушки.

Те ли это цели, которых Лизе хочется достичь? Ответ отрицательный. А что ей на самом деле сейчас нужно?

Вообще-то Лиза умеет принимать правильные решения. Главное – нащупать цель. Тогда сама собой выстраивается стратегия, можно двигаться по ней мелкими шажками, и в конце концов цель оказывается достигнута и изловлена. Лиза привыкла поступать именно так. И сейчас она прямо и честно говорит себе: в приоритете – серая, незаметная жизнь. Поменьше эпизодов. Благополучие бабушки. Остальное вторично. Как лучше поступить, учитывая эти приоритеты?

Лиза не привыкла хитрить с собой. Она честно отвечает: придется просто отвернуться и уйти из этого дома, и никогда не оглядываться, и никогда не вспоминать. Оставить этот дом и эту работу. Оставить это все позади.

Но тут Лизины мысли спотыкаются. Оставить все позади... А может ли она позволить себе потерять работу, пока в агентстве не подыщут ей другую? Работа в Ясином доме, у Владимира Сергеевича, приносит основные деньги. Деньги нужны.

Она снова производит те же расчеты, которые производила уже тысячу раз. Коммунальные платежи, расходы на еду, бабушкины лекарства. Даже если обойтись без бабушкиных глупостей, работы раз в неделю у Евгении Николаевны и Павлика все равно не хватит, чтобы покрыть основные расходы. А когда найдется адекватная замена – и найдется ли вообще? – совершенно неясно. Работа нужна Лизе. Она не может позволить себе потерять ее. Никак не может. Таким особенным людям, как Лиза, крайне непросто бывает найти место. А если она уйдет без предупреждения, останется еще и без рекомендаций. Не дай бог, узнают в агентстве – и про то, что она устроилась без их ведома, и про скандальный уход.

И уж конечно, она не может позволить себе раскрыть все карты. Митя предупредил: стоит ей пригрозить Владимиру Сергеевичу разоблачением, как он немедленно попытается от нее избавиться. И первое, что он сделает, это вызовет психиатрическую скорую помощь. Лиза не может рисковать свободой. Она нужна бабушке – и нужна тут, дома. Совершенно необходимо, чтобы она была в порядке и работала. Выход только один. Работу у Владимира Сергеевича придется продолжить, а о своих открытиях – смолчать.

В конце концов, она вообще ни при чем. Она не какой-нибудь больной мальчик. Это не она там кричит, съездившись на краешке массажного стола. Пусть родители мальчиков сами разбираются. Есть же у этих мальчиков родители? Это не ее битва, Митя прав: ей нужно просто вынести себя за скобки – как она сделала в детстве, как она сделала в девятнадцать. Принять это решение.

В конце концов, если бы она была одна, могла бы позволить себе выступать по каждому поводу. Но она отвечает за бабушку и обязана думать прежде всего о ней. И если для бабушкиного благополучия надо молчать – она будет молчать.

В конце концов, ей не десять, а почти уже тридцать. К этому возрасту можно было бы научиться как-нибудь сдерживаться, не лезть не в свое дело.

Кто-то трясет ее за руку. Лиза вздергивается – видимо, все же уснула под утро. На руке вибрирует браслет. Несмотря на бессонную ночь, голова ясная. Лиза приняла решение и теперь точно знает, как ей поступить. Она снова супергерой.

Быстро, аккуратно и бесшумно она застилает постель, делает зарядку, умывается, завтракает, глотает таблетки, одевается, прилаживает на голову наушники, привязывает их к бутылке с водой и выходит в холод и тревогу.

Уже закрывая за собой дверь, Лиза видит, как бабушка в одной ночной рубашке крестит дверь ей вслед.

Открыв дверь своим ключом, Лиза сразу понимает: Владимир Сергеевич вернулся. Она не задается вопросом, как узнала об этом, она просто знает. Возможно, какой-то специфический запах; может быть, особенное расположение одежды и обуви в прихожей. Лиза изо всех сил отгоняет от себя ответ. Наверняка догадалась, глядя на Ясю. Хотя Яся особенно не меняется: птичкой порхает по дому, что-то басит, смеется.

– Владимир-то Сергеевич, слышишь, Лизуш, все-таки прилетел вчера наконец-то. И тут же мне говорит: а давай, Яся, собери-ка ты на стол, гости придут. А я и думаю: что ж я наделала-то, слышишь, Лизуш! Так во-от Лиза-то, думаю, вот зачем она ложки-вилки-то доставала! Почистить хотела! А я не поняла, убрала. Ну не ворона? Зачем убрала? В общем, что делать? Нашла твои перчаточки, надела, полировочку в руки – и ага. Пошло-поехало. Не так-то и сложно, оказывается. Хотя мне, конечно, одного раза хватило. Четыре сета почистила, остальные... – Яся на секунду останавливается, и Лиза вдруг понимает, что Яся считает в уме, прикрыв глаза и шевеля губами – будто слепой бестолковый котенок. – Восемь осталось. Ты уж дочисти, Лизуш. Владимир Сергеевич на днях опять собирался звать кого-то. Сказал, коллеги придут, а они по двое-трое не ходят, сразу толпой. Понимаешь, да, Лизуш? Все должно сверкать. Ну, как только ты умеешь.

Лиза кивает.

Первым делом нужно собрать накопившийся за выходные мусор. Лиза двигается бесшумно, стараясь быть незаметной. Она заменяет пакет на на кухне. Морщась от запаха, вытряхивает памперсы из специального ведерка в комнате Федечки. Когда весь мусор собран, она понимает, что нужно идти в кабинет Владимира Сергеевича. Ей отчаянно не хочется. До приема еще полтора часа, она как-нибудь успеет, решает Лиза и достает из кладовки специальную щетку – нужно почистить пол и диван в гостиной, раз вчера были гости.

Наматывая на щетку сырую тряпку, Лиза снова задумывается о пылесосе. Подумаешь, громко. Наушники, конечно, не справятся – но можно добавить беруши. Зато быстро и чисто. И можно было бы покричать, пока он шумит.

Лиза встает на коленки – молодец, Лиза, с утра пластыри налепила, теперь на коленках стоять почти удобно – и водит щеткой под диваном. Диван должен быть очень чистым – даже там, где его никто не видит. Лиза очень хорошо работает. Мозг виляет хвостом.

Вдруг она ойкает – свободной от щетки рукой оперлась на что-то твердое и острое, чего под диваном быть не должно. Руке больно. Надо проверить, не порвалась ли перчатка.

Опять косточку под диван плюнули, внутренне морщится Лиза, вытаскивая находку. Не глядя, она бросает ее в ведро с водой и краем глаза замечает, как ярко взблескивает косточка, уходя на дно ведра.

Опять неправильность.

Не задумываясь, Лиза ныряет в ведро рукой и вылавливает сверкающую косточку. А это вовсе не косточка. Хотя на ощупь, да еще в перчатках, не очень-то отличается.

В руке у Лизы замысловатая запонка – Лиза видела и даже полировала похожие у Владимира Сергеевича. Лиза любит находку: синяя эмаль по платине, спиралевидный треугольник, закрученный по часовой стрелке от центра – как домик улитки, только без улитки. В центре треугольника бриллиант. Лиза ловит им свет – и бриллиант рассыпается по всей комнате разноцветными огоньками. Можно было бы купить бабушке кольцо с таким вот сокровищем

– поменьше, конечно, маленькие не должны стоить дорого, а потом любоваться, как он станет играть на ее руке.

Вдруг Лиза проваливается внутрь треугольника. Вокруг нее мужчины в костюмах. За окном темно. Мужчины – и Владимир Сергеевич среди них – громко смеются, разогретые спиртным, и подливают друг другу в низкие стаканы с тяжелым дном. Один из них достает из внутреннего кармана пиджака небольшой айпад, вводит сложный пароль – вот какой код надо было ставить на сейф, Митя!

Наконец айпад разблокирован. Он идет по рукам, в очках одного из мужчин отражаются быстро пролистываемые фотографии. Лиза отводит от них глаза. А остальные, наоборот, с удовольствием рассматривают изображения, довольно гыгычут. И только Владимир Сергеевич почему-то сердится. Владелец айпада, сухощавый мужчина с длинным носом, жирными черными волосами и какими-то вороньими повадками, резко ему возражает и отворачивается. Владимир Сергеевич вдруг багровеет, хватается того за рукав, тот отдергивает руку, запонка, сверкнув, падает на ковер, отскакивает и пропадает под диваном.

Зажав запонку в кулаке и тяжело дыша, Лиза почти падает на ковер. Это информация. Просто информация. Она не бывает уместной или неуместной, почему такая реакция?

Она вдруг вспоминает, как двадцать шесть дней назад между делом сообщила Мите, что у нее наступила менструация. Они спорили, как всегда. Лиза осматривала очередные улики. И чтобы убедить его в своей правоте, она сказала, что ее чувства особенно обострены в эти дни и она понимает вещи даже лучше обычного, так что сомневаться в ее словах нерационально.

Информация как информация, но Митя отчего-то замолчал и покраснел. Даже спорить прекратил, что очень удивило Лизу. Прошелся по кабинету, плеснул себе водички из ее графина, чего обычно никогда не делал, даже стакан к губам поднес, но пить не стал, а зачем-то сказал Лизе, что такой информацией делиться – это уже лишнее.

Лиза тогда здорово развеселилась. Как может информация быть лишней? Как можно отказаться знать что-либо? Будь на Митином месте, например, Макс или Илья, они тут же уточнили бы день цикла и его обычную продолжительность, а затем, возможно, сообщили бы ей, когда следует ожидать следующей менструации. Тоже довольно неприятная привычка – сообщать другим то, что те и сами прекрасно знают, но тут уж ничего не поделаешь, такие уж особенные они люди.

Задумавшись, Лиза опускает запонку в карман платья – отдать при случае Ясе – и забывает о ней. Пора в кабинет.

Погрузившись в свои мысли, опустив голову, она идет к двери, соединяющей квартиру с кабинетом и процедурной. Вдруг дверь распахивается – едва не задев Лизу – и из приемной вылетает какая-то совершенно безумная женщина, а вслед за ней выходит Владимир Сергеевич. Женщина что-то кричит сквозь слезы и, кажется, даже бросается на него с кулаками.

Лиза плотно прикрывает уши ладонями, а потому не сразу разбирает смысл ее слов. Если кто-то кричит, нужно просто заткнуть уши, тогда не страшно.

Дыхание постепенно выравнивается, и Лизу вдруг охватывает чудовищное облегчение.

Наверняка эта женщина пришла обвинить Владимира Сергеевича.

Наверняка у нее нет бабушки и всяких специальных особенностей.

Наверняка Владимир Сергеевич обидел и ее сына, а потому женщина может сказать ему правду, кричать и плакать, и никто не отправит ее в психушку.

Сейчас она все ему выскажет, а так как она говорит очень громко, то все услышат и Яся узнает правду. Не от Лизы.

А Лиза тогда будет ни при чем и сохранит работу, но всем будет известно, что она знает: она же слышала, что говорит эта женщина.

Нужно послушать, нужно узнать, что именно она кричит.

Лиза, Лиза, опусти руки.

Послушай, Лиза, это важно!

С трудом сконцентрировавшись на почти бессвязной речи женщины, Лиза вдруг с удивлением видит, как она, только что кричавшая на Владимира Сергеевича, пока он пытался стряхнуть ее руки со своих, падает на колени и хватается его за полы халата, за ноги.

В мозг Лизы начинают проникать ее слова:

– Доктор! Пожалуйста! Мы все уже перепробовали! Всех обошли! Никто не может помочь! Все отказываются! Прошу, доктор!

Владимир Сергеевич будто съел таракана. Его сухие светлые волосы лежат на голове как попало, почти неряшливо, и Лизе вдруг хочется пройтись по ним той же щеткой, которой она чистила под диваном.

– Оставьте меня в покое! – говорит он. – Отцепитесь от меня, наконец! Вы молодая женщина, какая проблема! Эта умрет, родите другую!

– Это моя единственная дочь, доктор! Я не могу больше иметь детей! Пожалуйста! Хотя бы осмотрите ее один раз! Ну пожалуйста!

Она пришла не обвинять! Она принесла ему свою дочь, а он ее выгоняет! Потому что дочь не мальчик?

Нужно пройти мимо них. Это вообще не Лизино дело. Нужно просто пройти сейчас мимо них в кабинет и заниматься своими делами, иначе Владимир Сергеевич будет недоволен.

– Я вам повторяю: запись на прием только дистанционно, через форму на сайте. И ко мне большая очередь. Яся, кто ее пустил? Вы понимаете, что ломитесь через головы других тяжелых детей, которые точно так же ждут своей очереди? Яся, убери ее отсюда! Что я тогда буду за врач? Учтите, я принимаю далеко не всех, кто обратился. Вас много, а я один. Яся, вызывай уже полицию, чего ты ждешь, в конце-то...

Лиза наконец проникает в процедурную и закрывает за собой дверь, отсекая шум борьбы, слезы женщины и недовольство Владимира Сергеевича.

У массажного стола Лизу ждут пакеты из химчистки. Она потрошит их и раскладывает белье по стопкам, по две простыни и по два полотенца в каждой. Лиза не представляет, что делают с вещами в химчистке, но они приезжают оттуда совершенно мертвые и молча лежат без движения, позволяя делать с собой все что угодно.

Правильно она решила молчать. Лиза вдруг представляет себя на месте этой несчастной женщины – доказывающей свою правоту, умоляющей не вызывать скорую. Нужно гнать от себя эти мысли. Спокойная жизнь, поменьше эпизодов – и ничего, что могло бы поставить под удар бабушкино благополучие.

Получившиеся порционные стопки – по одной на каждого нового мальчика – Лиза сворачивает пополам и раскладывает в шкаф. Она почти успокоилась, но, когда сзади рывкает дверь и стонет кресло у стола, она все равно вздрагивает и замирает на секунду, однако почти сразу продолжает свое размеренное движение. Стройные ряды чистых мертвых вещей – что может быть лучше?

Лиза слышит, как Владимир Сергеевич выдвигает и задвигает ящики, будто ищет что-то, и вдруг говорит ей:

– Лиза. Во-первых, следует здороваться. Во-вторых, до приема час, а ты все еще не закончила. Как это понимать? Мне необходимо остаться одному, подготовиться к приему. Ты и сама видишь, какая у меня непростая работа – нервная, требующая больших энергетических затрат. Так что отправляйся давай отсюда, простынки можно как-нибудь в другой раз поперекладывать.

Лиза аккуратно убирает в шкаф последнюю стопку и оборачивается, чтобы уйти. Владимир Сергеевич сидит за столом и сосредоточенно откручивает ручку голову.

– Здравствуй, Владимир Сергеевич, – приветливо говорит она.

Он велел поздороваться. Лиза вежливая. Лиза знает, как себя вести.

– Здравствуй, Лиза, – бесцветным эхом отзывается он.

– Кстати, – говорит она и сама замирает от своих слов. – Лиза знает, что вы делаете, Владимир Сергеевич. Что вы делаете. Знает, да. И полиция. И полиция знает. Знает, что вы делаете с мальчиками, Владимир Сергеевич.

Владимир Сергеевич смотрит на нее внимательно и спокойно, не шевелясь. Даже ручка успокоилась и застыла в его руках. Когда Лиза замолкает, он тихо говорит:

– Присядь-ка. Что это ты такое говоришь?

Но Лиза не хочет садиться. Она не хочет больше притрагиваться ни к одной вещи в этой комнате. Ее опять укачало и вот-вот вырвет, а это совсем сейчас некстати.

Лиза остается стоять. Она стоит и молчит, глядя в пол. Владимир Сергеевич тоже встает. Но потом садится снова.

– Объясни-ка мне, Лиза, что вообще происходит.

– Дети, Владимир Сергеевич. Ваши пациенты. Мальчики. Вы делаете с ними то, чего не должны делать. Это неправильно. И полиция тоже так считает.

Лизе кажется, что, если она будет всякий раз упоминать о полиции, это придаст веса ее обвинениям.

Конечно, когда полиция уже в курсе, какой смысл все отрицать? Владимир Сергеевич очень умный. Он поймет, что все серьезно. И очень упростит всем дело, если сейчас же сознается. Лиза проводит его к Мите. А Митя знает, что делать. И тогда Митя никогда больше не будет говорить Лизе, что вещи могли обмануть.

Лиза тихонько смеется.

– Лиза, милая, ты с ума сошла? – зеленовато говорит Владимир Сергеевич, расслабляя узел галстука. – Как тебе такое только в голову пришло? Я тебя как-то обидел? Или Яся?

При упоминании о Ясе Лиза морщится:

– Нет, Яся Васильевна совсем ни при чем. И Лиза ни при чем. Это всё вы. Вы делаете с мальчиками неправильное.

Владимир Сергеевич встает за кресло и опирается на его спинку. Под весом Владимира Сергеевича кресло покачивается на разъезжающихся колесиках, вот-вот упадет.

– Это кто тебе такое сказал, Лиза?

– И полиция знает, что вы это делаете. Лиза им сказала. Полицейские в курсе, – отвечает Лиза.

Владимир Сергеевич чуть повышает голос, будто разговаривает с кем-то, кто неважно слышит:

– Кто? Кто тебе сказал, Лиза? С кем ты говорила?

Лиза морщится и отступает на пару шагов. Слишком громко.

– Лиза ни с кем не говорила. Никто ей не говорил. Лиза сама узнала.

Руки Владимира Сергеевича, сжимавшие спинку кресла – так, что тонкой светлой коже становится больно, – внезапно разжимаются.

– Сама? Вот как? – мертвым, как простынки из химчистки, белоснежным тоном спрашивает он.

Лизе вдруг хочется объяснить ему. Доказать, чтобы он понял и испугался. Чтобы он прекратил быть таким спокойным.

– Это ваш массажный стол Лизе сказал, Владимир Сергеевич. На столе пятна. И волосы. Волосы мальчиков. И ваши. Но не с головы. И новые царапины. Кожа на столе процарапана. Снова. И ваши инструменты, Владимир Сергеевич... И еще массажные простыни для стирки – там кровь и снова пятна, такие, особые пятна. Вы знаете, какие это пятна. Да, пятна. Да... Очень грязные простыни. Кровь и пятна. Мало крови. Круглые маленькие пятнышки крови. И другие пятна, не круглые. И побольше. Светлые. Жесткие. Вы знаете. Они еще пахнут так по-особому. Да. И волосы. Разные – и детские, и взрослые. Ну, вы понимаете, волосы с гениталий.

Они такие, короткие или длинные, но все как бы перекрученные, их не спутать. А еще ремни и серые резиновые ленты. И презервативы. Использованные. Лиза знает, Владимир Сергеевич, знает, что вы делаете. И полиция...

– И полиция тоже знает, что ты работаешь у меня уборщицей и увидела на моем массажном столе волосы и пару царапин, на простынях пятна, а в моем семейном доме нашла использованные презервативы? – вдруг перебивает Владимир Сергеевич.

– Да! – Лиза с облегчением выдыхает. Наконец-то им удалось понять друг друга.

– То есть, Лиза, вещи в моем доме убеждают тебя в том, что я маньяк, и ты сообщила об этом в полицию?

– Не маньяк, Владимир Сергеевич! Маньяки – это кто убивает всех подряд. А вы просто педофил. Педофилы насилуют детей, – дружелюбно поясняет Лиза. – Согласно опубликованной статистике.

– Придержи пока статистику. Получается, я педофил и об этом тебе рассказали вещи, верно?

– Совершенно верно!

Наконец-то до него дошло! Лиза испытывает облегчение.

– Но ведь ты хорошо работаешь, Лиза, так?

Лиза снова морщится – она не понимает, чего он от нее добивается. Но говорит как есть:

– Да, Лиза очень хорошо работает.

– И ты, конечно, убрала с моего стола и пятна, и волосы? Презервативы выкинула, разумеется, – так? К чему такое хранить? И простыни – ведь ты выбрасываешь то, что невозможно отстирать? А остальное отстирывает химчистка, и ты за этим следишь? Или ты вдруг разленилась?!

– Как это – разленилась? – удивляется Лиза. – Конечно, Лиза сразу все убирает и моет. А некоторые простыни нельзя отстирать, приходится выбросить, да, извините.

– Это значит... Знаешь, что это значит, Лиза?

Лиза ничего не понимает, она совсем запуталась.

Ей странно, что Владимир Сергеевич не испуган: он даже не сердится, а отчего-то улыбается.

Лиза вдруг вспоминает. Какой это был эпизод? Тысяча сто двадцать третий, точно. Она сидит на последнем ряду высоченной аудитории-амфитеатра и быстро записывает в тетрадь символы, которые выскальзывают из-под руки профессора и приземляются на доску.

Время от времени от ее головы, плеч и груди отскакивают небольшие бумажные шарики и падают на парту и на пол вокруг нее. После каждого очередного попадания по рядам прокатывается сдавленное хихиканье, а ее ручка пугается и вздрагивает: все страницы испещрены росчерками поверх ровных рядов формул, так что ей потом приходится переписывать всё в специальную домашнюю тетрадь.

Но если отвлечься от этой необходимости, которая помогает, кстати, находить ошибки в рассуждениях профессора, то в происходящем даже можно найти красоту – как будто град прошел прямо над Лизой, и теперь вся парта усеяна неровными белыми зернами. И если бы не смех вокруг, который сбивает ее с толку, можно было бы мириться с этим и дальше...

Она не знает, что он хочет сказать. Она мотает головой.

– Это значит, детка, что ничего не было, – говорит он.

– Как это – “не было”? Вы не сознаетесь?

– А в чем я должен признаться? Что у меня работает добросовестная девушка? Что она идеально делает уборку? – Владимир Сергеевич снова усаживается, откидывается на спинку кресла и смеется – будто рассыпает голубые электрические искры. И искры эти, как белые бумажные шарики, ложатся вокруг Лизы и замирают.

– Но вы... Но мальчики...

– А что “мальчики”? Тебе кто-то что-то обо мне рассказывал? Кто-то – кроме вещей?

– Нет, – шепчет Лиза.

– Очень советую ни с кем больше об этом не говорить, детка. Беседовать с вещами – нехороший симптом. Все догадаются, что ты сумасшедшая, понимаешь? И надолго укатают на Банную гору, в ПНД. – Владимир Сергеевич так певуче выводит это “пээндэ”, что Лизе на секунду кажется, что это какая-то прекрасная страна, куда ей очень нужно. Владимиру Сергеевичу, наверное, тоже приятно, потому что он с удовольствием выпевает еще раз: – Да, в ПНД. Где тебе самое место, ей-богу. Потому что ты совершенно ничего не можешь доказать и плетешь всякую чушь, придумываешь всякие ужасы. Я бы и сам этим занялся. Спровадил бы тебя. Раскачать-то тебя несложно, а потом оп – и скорая. Но, понимаешь ли, мне ужасно лень. Да и прием вот-вот. А со скорыми всегда неоправданно много возни. Так что считай, что тебе сегодня повезло. Но когда тебя госпитализируют – а это непременно, непременно произойдет, – я велю Ясе послать цветов твоей бабушке. Потому что именно бабушка тебя в диспансер-то и уложит, вот увидишь. А теперь ты, конечно, уволена. Отправляйся, собирай свои вещички и уматывай. Опасаться тебя глупо, но в своем доме я тебя больше не потерплю. А если решишь снова побеспокоить своими идиотскими домыслами полицию, вспомни, что на Банной горе не только ПНД, но и кладбище. Ляжете там с бабушкой гробик к гробику. Не таких обламывал.

Владимир Сергеевич заносит ручку над очередным листом бумаги.

– Лизу вообще-то Яся Васильевна нанимала, – говорит Лиза.

Бабушка всегда говорит ей: “Старайся постоять за себя!”

– Хм-м, а ведь и верно. Жаль Ясю: мало ей проблем с Федькой-идиотом, еще ищи теперь новую прислугу. – Его ручка снова замирает над бумагой, раздумывая над следующим словом.

– Уборщицу. Лиза не прислуга. Уборщица.

– Да-да, конечно-конечно. У тебя достоинство. А ты хоть понимаешь, почему ты работу получила? – Владимир Сергеевич с силой отодвигается от стола. – Понимаешь, что Яська тебя пожалела? Уперлась: “Давай возьмем! Хорошая ведь девочка, старательная! Такая же, как Феденька. Ну кто ее еще возьмет?” Сил не было слушать ее нытье! Согласился, только отстань. И посмотри, как ты с ней поступила! Как отблагодарила за доброту! А я так и знал, что с тобой будут проблемы! Таким, как вы с Федькой, вообще не место среди нормальных людей. Вас надо с рождения в клиниках держать, для вашей же собственной безопасности!

Лиза стоит и слушает звон своих браслетов; он звучит все громче.

– И для вашей заодно, да? – еле слышно говорит она.

Владимир Сергеевич вдруг вскакивает. Его лицо покрывается противными багровыми пятнами:

– Да если бы не Яськино упорство, дурацкая эта упертость, я бы давно Федьку в спец-учреждение спровадил, а то на нее уже без слез не взглянешь, совсем себя запустила: “Федечка, Федечка!” А Федечка мало того что идиот, с которого нельзя глаз спускать ни днем ни ночью, так еще и орет постоянно, а кому понравится такой аттракцион? “Больной ребенок профессора Дервиента!” “А отчего вы, профессор, сыну не поможете?” Приходится отбредиваться: “Этика врачебная запрещает. Его наблюдают лучшие специалисты.” Я же не могу клиентам объяснять каждый раз, что его лечить бесполезно! Что это просто генетический мусор! Что бы там она себе ни думала, ему совершенно все равно, где находиться: дома с мамочкой или в больничке. А потом бы – бац, и госпитальная инфекция какая-нибудь. И Яська вся горюет, а я бы ее утешил – собачку бы ей завел. Сейчас нельзя собачку, Федька ей голову открутит и сам же орать будет. А не стало бы Федьки, можно было бы и собачку. Но теперь ни собачки, ни прислуги, потому что прислуга сошла с ума окончательно. Городит всякую ерунду, полицию зовет. Чтоб ты знала, бывали и поздоровее люди – репутацию мою очернить пытались, клиентов меня пытались лишить. И знаешь что?

– Что? – немедленно отзывается Лиза, каменея внутри.

– А то, что ничего путного из этих попыток никогда не выходило, – хохочет Владимир Сергеевич, сжимая и разжимая кулаки в карманах брюк. – А правдолюбцы эти бесстрашные отправлялись туда, куда им и дорога.

– А куда им дорога? – заинтересованно спрашивает Лиза.

– Туда же, куда всем этим зайцам! Всем этим сладким зайчикам со спастикой! Туда же, куда и тебе! На Банную гору вам всем дорога! В оградки с крестами! – вдруг кричит Владимир Сергеевич. – Я, такие как мы, мы медведи – понимаешь? Мы – тьфу, какая пошлость, но лучше не скажешь! – мы санитары леса! И выживают в этом лесу только сильные зайцы! Зайцы-бойцы! Они вырастают и становятся нашими соратниками-медведями, становятся бок о бок с нами! А остальным не место в нормальном обществе, поняла? Тебе не место! И Федьке тоже, чтоб ты не подумала, что я лично против тебя что-то имею. И вы оба очень скоро отправитесь, куда и положено.

– То есть на Банную гору? – уточняет Лиза.

– Например, на Банную гору, – серовато соглашается Владимир Сергеевич, внезапно усевшись и уже дописывая что-то.

– А каким образом Лиза с Федечкой туда отправятся, если не хотят? – настойчиво спрашивает Лиза.

– А совершенно неважно, чего хотят Лиза с Федечкой! Важно, чего хочу я и чего хотят другие нормальные люди. – Владимир Сергеевич снова отвлекается от записей. – И когда мы скажем, что ваше место – в психушке, кто посмеет нам возразить? Кто скажет слово против?

– Вещи! Они всегда будут на Лизиной стороне!

– Послушай, что ты несешь, Лиза. – Владимир Сергеевич трет лоб, смешно шевелит нижней челюстью – влево-вправо, влево-вправо. – “Вещи нам помогут!” Они что, устроят акцию протеста? Подпишут петицию? Выступят в суде? Это же бред, Лиза.

– В суде – выступят, – вдруг говорит Лиза, стараясь придать голосу больше уверенности.

– Положим, они бы могли, – вдруг соглашается Владимир Сергеевич. – Но ты, умница, их отмыла, отчистила, а самые важные вообще выбросила, так что оставшимся больше нечего сказать. Они преспокойненько сокрут, и делу край.

– Но вещи – не люди, они не умеют врать, – зачем-то говорит Лиза, хотя уже все понятно.

– Вот в этом твоя ошибка! Не сори противопоставлениями, это глупо. Люди – суть такие же вещи, детка. И врут все, все! Я бы тебе прямо сейчас доказал... Но прости, не сегодня, мне еще к приему подготовиться надо: сегодня такой заяц придет – закачаешься. – Владимир Сергеевич на секунду прикрывает глаза, но тут же встряхивается. – А теперь я преподам тебе небольшой урок. Назовем его “Твое слово против моего”. Ход банальный – как-то сейчас не приходит в голову ничего оригинального, понимаешь ли, – но обещаю, тебя он впечатлит.

Владимир Сергеевич аккуратно навинчивает на ручку колпачок и укладывает ее строго параллельно своим бумагам. Эти приготовления отчего-то тревожат Лизу.

– Готова? – спрашивает он и, не дожидаясь ответа, решительно встает, стремительно выходит из-за стола, распахивает дверь и вдруг кричит:

– Лиза, что вы себе позволяете?!

Подойдя к Лизе вплотную, он дергает за ворот ее платья – так, что расстегиваются обе пуговицы. Лиза отшатывается, но Владимир Сергеевич настигает ее в один шаг и вопит прямо ей в ухо:

– Как вам только не стыдно! Яся, поди сюда! Яся!

Лиза зажимает уши ладонями.

Яся появляется немедленно.

– Вот, полюбуйся! Вошла без спросу в кабинет, я работал. Начала раздеваться, предлагала себя... О господи, Лиза. Мы что, мало вам платим?

Она не отрываясь смотрит на Ясин подбородок, который вдруг начинает дрожать:
– Лиза, девочка... Я что, обидела тебя чем-то? Зачем ты так, Лизуш?!

Как кино, все как в кино.

Ее вдруг охватывает почти невыносимое, совершенно непристойное возбуждение – очень некстати, совершенно неожиданно.

Действительно хороший урок, захватывающий.

Стараясь не слушать, поверх паники Лиза наблюдает за Владимиром Сергеевичем.

Вот он хорошо знакомым движением встряхивается, оправляет на себе одежду, застегивает верхнюю пуговицу рубашки, подтягивает узел галстука.

Вот подходит к жене и хлопает ее по плечу.

Как Яся это терпит?

– Яся, милая, не о чем тут говорить! Я тебя предупреждал: психика лабильная, такие люди постоянно на препаратах, невозможно предугадать, что они могут сотворить.

Лиза понимает, что возражать бесполезно, нужно быстро уйти. Но любопытство сильнее паники. Владимир Сергеевич, оказывается, умелый режиссер, и Лизе страшно любопытно, что же будет дальше. Как же не вовремя! Адреналин плещет в глаза, вот-вот захлестнет с головой – и тогда станет сложно не то что идти, а и говорить, и дышать.

Лиза зеркальным жестом встряхивается, торопливо застегивает верхнюю пуговку – поси-
невшие пальцы совсем не слушаются, плохой знак! – и выходит из кабинета. Квартира кажется неожиданно огромной, – не бежать, не бежать! – в прихожей ее настигает Владимир Сергеевич, – ботинки! – вполголоса, чтобы спрятать свои слова за рыданиями Яси, – куртка! – стерильным медицинским голосом он говорит:

– Запомни этот урок, он у нас не последний. Твое место – на Банной горе! И лучше бы тебе, детка, отправиться туда живой и добровольно, вот мой совет. Ключи!

Он тянет к ней руку, Лиза шарахается от него, роняет на пол ключи, хватается рюкзак, дергает ручку запертой двери. Владимир Сергеевич предупредительно отпирает замок и распахивает дверь, выпуская Лизу.

Ледяной воздух заполняет ее ноздри и горло, затапливает пространство головы и наконец переливается через край.

Завернув за угол дома, Лиза чувствует себя сиреневым воздушным шариком, бок которого проколот настолько тонкой иглой, что из крошечной дырочки успел вытечь почти весь газ, а она только заметила. Она двигается неровно, почти пляшет на протоптанной в снегу узкой тропинке, с каждым движением теряя все больше газа, опустошаясь, становясь все тяжелее, пока в полном изнеможении не падает на колени прямо в снег.

Лиза видит себя со стороны. Это какое-то красивое и немного тревожное кино. Камера оператора висит чуть выше ее левого плеча, не позволяя заглянуть в лицо, давая только общий план. Она видит себя стоящей на коленях в снегу. Это кино. Это красиво. Владимир Сергеевич – режиссер. Оператор – за ее плечом. А Лиза просто играет роль, выполняет то, что скажет режиссер, воплощает его замысел.

Бьет в нос холодный запах снега. Лизе странно, что снег совсем не имеет собственного цвета, что он принимает любой чужой цвет как данность – безропотно и даже с благодарностью. Подумав, она понимает, что тоже не имеет собственного цвета, – и принимает сущность снега как собственную. Ладонями она все разглаживает снег вокруг себя. Как простыню на хозяйской кровати, которая должна быть натянута идеально, безморщинно. Как парус, поймавший ветер. Как скатертью дорожку.

Простынь. Прос-тынь. Простынь. Замерзни. Умри.

Внезапно Лизе хочется петь. Мысли путаются. Становится очень жарко. Внимание оператора за плечом Лизы перемещается к коленям. Только сейчас она чувствует, насколько невыносимо ломит голени и ладони. Она понимает, что нужно встать, но пока не догадывается

зачем. Она еще не дочитала свой текст до этого места. Захочет ли режиссер, чтобы она встала, или в этом фильме ей придется умереть?

Мимо проходит женщина с двумя детьми. Лизу привычно бросает к ней – Яся! Но это не Яся, это чужая. Лиза видит мгновенно расширившиеся зрачки, чувствует, как будто это ее, маленькую, волокут за ручку – обходим, обходим, тетя пьяная, идем домой, – и снова остается одна.

Зажигаются фонари. Один. Потом другой, с едва заметной заминкой.

Мигнув, оба одновременно гаснут.

С такой же заминкой в голове зажигаются и гаснут мысли.

Устала. Выключить кино. Захлопнуть книгу. Лиза устала. Лиза не станет больше смотреть. Надо вставать. Идти домой. Дома бабушка. Бабушка.

Именно бабушка научила Лизу, убежденную в том, что все происходящее в фильме – это ее собственная сиюминутная реальность, то и дело ныряющую от экранной перестрелки или любовной сцены под диван, что кино можно выключить. Не досматривать. Страшный эпизод? Просто нажми на кнопку, и все прекратится. Это оказалось очень удобно и совсем не страшно: раз – и ничего нет. И теперь, когда кто-то смотрит фильм о ней, срежиссированный и снятый другими, она хочет только одного – чтобы тот, кто его смотрит, наконец нажал на кнопку.

Лиза встает.

Она совсем не чувствует ног, двигает ими скорее по привычке, пробуждая в себе воспоминание о боли, на ходу безуспешно пытаясь отряхнуть налипший на колени снег. Лиза бредет по дворам. Нужно выйти на Комсомольский проспект, но в какую сторону идти, она понятия не имеет. Она так долго избегала Компроса, что успела совсем позабыть, как там что. Дома кажутся пустыми и чужими, дворы – одинаковыми. Она идет наугад, вслушиваясь в пустоту вечера, пытаясь нащупать сонную артерию города, услышать шум машин. Наконец она понимает, что идет верно. Выныривает из дворов на проспект. Хватает ртом воздух.

Совершенно несвойственный серому унылому ноябрю, небывалый по мощи закат подсвечивает теряющийся в бесконечности поток машин, заменяя их то ли ртутными шариками, то ли сияющими чешуйками невообразимой рыбы, по которой то и дело прокатывается волна судорог. Лиза поворачивается к закату спиной, хочет уйти от него. Слишком он сделанный, слишком уж киношный. Дойдя до реки, она поворачивает направо. Это привычный маршрут, раньше они с бабушкой часто ходили по нему, и теперь почти ожившие ноги сами несут ее. Очень хочется в туалет.

Лиза поднимается по ступеням: раз-два. Входит в арку музея. Это восхитительное место. Шестьсот тысяч экспонатов. Шестьдесят девять коллекций. В самой крупной коллекции – две тысячи экспонатов, в самой маленькой – всего сто шестьдесят. Всю эту информацию Лиза знает из каталогов. Она собрала все шестнадцать.

В музее Лизу знают хорошо. Правда, она не приходила раньше без бабушки, но это ничего. Служительница даже не здоровается с ней, принимая две аккуратно сложенных пятидесятирублевки и четыре монетки по десять рублей. Знает, что Лиза не ответит. Лиза шарит по карманам, ищет еще одну монетку, и тогда служительница (Мария Максимовна, написано на бейджике) машет: да проходи уж. Сует Лизе бахилы. Теперь можно и в туалет.

Монетки не хватило, думает Лиза, закрываясь в кабинке. В следующий раз нужно отдать. Лиза не любит оставаться в долгу. И нужно будет попрощаться с Марией Максимовной. Лиза вежливая. Почему не поздоровалась?

Слова, много раз объясняла ей бабушка, – те же монеты. Самая ходовая валюта в мире. Обычные люди не задумываясь платят друг другу словами – за то и за это. Но Лиза никогда не была транжирой и ничего не может с этим поделать. Она чувствует, как от частого употребления изображения, прикрепленные к словам, стираются и в горсти остается лишь безликая металлическая оболочка букв. Только у редких счастливиц-скупердяев в кармане припря-

таны драгоценности, которые сильнее других, а точнее, стерлись не так сильно, как остальные, и пока еще несут какой-то смысл. У Лизы тоже есть такие слова, и она не хочет растрачивать их понапрасну.

Переходя от одного бесценного булыжника к другому, Лиза чувствует себя 3D-принтером. Или пауком, ткущим паутину. Будто именно она каждый раз производит на свет это все. По кусочку, по миллиметру выжимает из себя арматуру, бетон, протеин и обои для строительства этого странного, небывалого мира, разворачивающегося – и мгновенно, сразу после сотворения, застывающего вокруг нее мертвым коконом. Это странно успокаивает.

Набродившись среди призраков навсегда уснувших механизмов, мебели, которую давно никто не любит, и чучел кристаллов, из которых извлекли кристаллические решетки и оставили тихо дряхлеть на виду у всех, Лиза внезапно чувствует, что ей нужно побыть среди людей. Она выходит из музея, так и не встретив больше Марию Максимовну, и идет в кафе. Обычно тутлюдно, но сегодня совсем никого, только буфетчица в не слишком-то опрятном застиранном фартуке топчется за стойкой. Надо бы уйти, но очень хочется пить, промерзшее горло скребут изнутри чьи-то немые когти, и Лиза заказывает чай, просто ткнув в меню. Буфетчица на пальцах показывает ей, сколько надо заплатить.

“Тебя часто принимают за глухонемую”, – как-то объяснила ей бабушка. Хотела напугать, да не вышло, Лиза даже обрадовалась. Вот и теперь Лиза просто кивает и протягивает буфетчице карту. И тут же морщится: почему не заплатила картой в музее? Это же только за сувениры нельзя, а за билет-то можно! Почему не заплатила картой? Можно было картой! Глупая Лиза.

В ожидании чая Лиза снова смотрит на буфетчицу – пора бы выбросить этот фартук, пятна уже не свести. Вот на фартук плеснули гуляш. Вот буфетчица задрала его и вытерла пот со лба. Выбросить пора, это точно. Но что ж ты, Лиза, все испорченное хочешь выбросить? Почему не догадалась собрать простыни и принести Мите? Кто знает, как повернулось бы дело, если бы ты сообразила не бросаться вещдоками? Глупая, глупая Лиза.

Лиза привыкла о людях без особенностей думать как о нелогичных, действующих спонтанно, а потому немного даже неполноценных. А теперь вот и сама вопреки собственному просчитанному решению влипла бог знает во что. И кто после этого неполноценный? Почему вообще ей взбрело в голову завести этот разговор? Кто дернул за язык? С другой стороны, кто еще сделал бы это?

Вдруг Лиза слышит, как у кого-то вибрирует телефон. Она озирается, но никого вокруг нет, и буфетчица не бежит отвечать. Значит, телефон не ее. Лиза встает и идет навстречу звуку, на секунду забывая обо всем. Двери на летнюю террасу сейчас закрыты на ключ, терраса в снегу, но звук явно идет именно оттуда.

Лиза вглядывается в присыпанный снегом и отсвечивающий темным фонарным золотом парапет – и вдруг замечает голубя. Клов его закрыт, но он то ли воркует, то ли ритмично стонет. Лиза смотрит на голубя, миг – и он на ее глазах оборачивается модным смартфоном с беззвучно мигающим экраном. Лиза пугается: еще одна вибрация – и смартфон свалится с обледенелого парапета прямо под колеса машин. Раз – и смартфон снова становится воркующим на морозе голубем.

Ничего-то приличного не можем придумать сами, ухмыляется Лиза.

Эпизод 2264

Вторника Лиза не помнит. Он течет и уходит, как будто не успев наступить. Взамен приходит и утекает среда. Утром четверга Лиза, несмотря на возражения бабушки, собирается и отправляется на работу. Было две работы, осталась одна, и Лиза никак не может просто бросить ее. Кроме того, у Евгении Николаевны и Павлика ей всегда спокойно. – Не волнуйся,

Лизе там лучше, чем с тобой, – успокаивает она бабушку и уходит, пока бабушка сморкается. Нужно отправить бабушку к аллергологу. Дома идеальная чистота, никаких животных, откуда аллергия?

Сын Кузнецовых – Слава, пятьдесят два года, – уехал в Испанию шестнадцать лет, три месяца и восемь дней назад. Больше у восьмидесятидвухлетней Евгении Николаевны и восьмидесятичетырехлетнего Павлика детей нет, а сын проявляет заботу: оплачивает доставку продуктов, посылает деньги и подарки на праздники. И еще вот платит Лизе зарплату. Совсем небольшую, ну так и работы не слишком много, не сравнить с нагрузкой Никиты, который при Павлике практически безвылазно.

Лиза приходит дважды в неделю, по вторникам и четвергам, и остается на столько, на сколько нужно. Квартира эта давно перестала быть чужой для нее, все вещи в ней выслушаны по многу раз, все многожды перебраны, перемыты, перестираны и переглажены Лизиными руками.

Первые пару лет Евгения Николаевна ужасно сердилась, что приходится принимать помощь, к приходу Лизы старалась хотя бы одежду по шкафам рассовать. Дольше всего она держалась за спальню: повернувшись к дверному проему спиной, как бы защищая его собственным телом, рукой, заведенной за спину, на ощупь затворяла дверь, говорила отчетливо сиреневым тоном: “Лизочка, извините, тут уж не надо, тут я как-нибудь сама”. Но потом то ли возраст взял свое, то ли просто привыкла. Лиза ощутила и хорошо помнит тот момент, когда Евгения Николаевна расслабилась и доверила ей свой дом – вместе со спальней, которая когда-то была супружеской, а потом перестала быть таковой.

Евгения Николаевна, как собака, неизменно встречает Лизу в прихожей – суховатая высокая старуха, истончившееся от времени фланелевое платьице до щиколоток, хлопковая кофта поверх. На ногах – стоптанные овчинные угги, под ними штопанные-перештопанные нитяные чулки. Аккуратно уложенные в низкий узел длинные, густые, совершенно белые, без понятной и извинительной желтизны, волосы.

Лизу неизменно поражает безупречность этой прически – она много времени провела с Евгенией Николаевной, но никогда не видела ее с расческой в руках и никогда нигде не находила длинных седых волос. Лиза испытывает совершенно противоестественное желание дотронуться до ее головы, взвесить узел в руке. Она хорошо представляет себе его тяжесть. Подбитая шпильками волна заметно оттягивает затылок Евгении Николаевны – даже когда она что-то шьет или латает, то не склоняет головы, а подается вперед всем корпусом, по-соколиному цепко высматривает место, трижды примеривается, прежде чем ткнуть иголкой.

Евгения Николаевна не меняется никогда. Как обычно, она многословно извиняется за беспорядок и грязное белье, кучей сваленное в просторной ванной. Павлик опять укакался с ног до головы – снял памперс, возил по постели, пока Никита не пришел и не передел. Но стирать Никита не будет, конечно, да и некогда ему.

Лиза цедит воздух сквозь зубы, стараясь не вдыхать его носом, склоняется над ванной и терпеливо замачивает перепачканные простыни в ледяной воде – такой, что руки ломит сквозь перчатки. Ничего, все отстирается потихоньку, даже желтые пятна со временем отойдут – Лиза научилась отстирывать экскременты. Слова “говно” она старается даже не думать, такое оно сильное, так шибает с плеча. А если и не отойдут, тоже ничего страшного. Прокипятит пару раз, будет почти незаметно. Тут белье выбрасывать нельзя, пенсионерам слишком больно все время покупать новое.

– Представляешь, Лизочка, пока тебя не было... – рассказывает Евгения Николаевна.

Лиза не слушает и не отвечает. Льется вода, Евгения Николаевна журчит параллельно что-то свое, иногда в разговор вклинивается Павлик. Звуки быстро сливаются в белый шум, беспрепятственно и бесследно проскальзывающий сквозь Лизин мозг хирургической нитью.

Иногда она распрямляет спину, и тогда взгляд утыкается в Павлика. После инсульта он уже не вполне человек, но еще и не совсем вещь. Он часто приезжает на своей модной коляске и просто смотрит, как она работает, а она не возражает – ей тоже нравится разглядывать его, нравится, как он выглядит: всегда чуть растрепанные волнистые волосы странного неопределяемого цвета – то светло-коричневые, то вдруг синевато-серые; футболки с непонятными, перекошенными на сторону картинками – видимо, сын присылает из своей Испании; бодрые бесшовные хлопковые треники ярких расцветок – очевидно, оттуда же, здесь Лиза таких не видела. Павлик всегда улыбается, чуть наклонив голову, и улыбка получается детской, лукавой и озорной. Лиза пробовала звать его Павлом Саввичем, но он откликается только на Павлика, и постепенно Лиза привыкла, что отчества у него нет.

Изнутри своих мыслей Лиза далеко не сразу понимает, что Евгения Николаевна пытается ее дозваться. До ее сознания доходят только последние три или четыре “Лиза”. Она снова выпрямляется, тыльной стороной ладони в перчатке – осторожно, чтобы не задеть лицо, – отводит назад выбившуюся из косы прядь волос, внимательно смотрит на Евгению Николаевну – на пластиковые пуговицы, болтающиеся в растянутых петлях кофты, на оттопыренный левый карман – там, знает Лиза, лежит очередной скомканный платочек.

– Ты сегодня сама не своя, Лиза, – темно-синим, цвета бабушкиных бархатных перчаток, тоном говорит Евгения Николаевна. – Слова не сказала, как пришла. Что-то случилось?

Лиза молчит.

– Ты скажи хоть что-то, девочка. Павлик волнуется. Ты же знаешь, ты нам можешь что угодно рассказать. Что-то с бабушкой?

– Большое спасибо, – произносит Лиза как можно более спокойно.

Евгения Николаевна и Павлик переглядываются.

– Ну что ты сразу сердиться, – говорит Евгения Николаевна, подходит к Лизе, уже заносит руку над ее плечом, но вовремя останавливает себя и отходит.

Лиза следит, как Евгения Николаевна переставляет ноги, удаляясь на все более безопасное расстояние. Между ними будто рулетка разматывается: два деления, четыре, шесть. Наконец Лиза выдыхает. В этот раз кричать не понадобится.

Пошептавшись с Павликом, Евгения Николаевна снова подбирается ближе.

– У меня к тебе три вопроса, – говорит она совсем другим тоном, цвета молочной пенки. Эта фраза размыкает что-то. Не успев задуматься, Лиза тут же отзывается:

– По двадцать секунд размышления на каждый. Евгения Николаевна серебристо смеется. Это очень красиво. Лиза замирает, чтобы не упустить ни звука.

– Шутница ты. Я даже забыла, чего хотела-то, – отсмеявшись, говорит Евгения Николаевна и уходит, выталкивая из ванной Павлика. Типичная ее черта – разнести произошедшее всем, до кого только сможет дотянуться. Лиза слышит, как она пересказывает их короткий диалог Никите. Сразу вслед за этим до нее доносится едва розовое хихиканье Павлика и Никитин шоколадный басовитый хохот. Она почти уверена, что сейчас Евгения Николаевна позвонит сыну. Лиза совершенно не понимает, что смешного в ее ответе, но раз кому-то весело, то и хорошо.

Хотела бы и она посмеяться вместе со всеми, но уборка совершенно не успокаивает сегодня. В голове тяжело ворочается что-то похожее на панику. Что же теперь делать, когда основной работы нет? Поставить бабушку на паузу не получится. Бог с ними, с глупостями, но ведь есть дорожные бабушкины сердечные лекарства, которые она должна принимать, пока не умрет.

Чего достигла Лиза, обвинив Владимира Сергеевича? Ничего. Только все потеряла. Новой работы в агентстве не дадут. Будь Лиза умнее, она затаилась бы, дождалась бы появления новых испорченных вещей, отнесла бы их Мите. И дальше пусть полиция бы разбиралась.

А теперь и к Владимиру Сергеевичу не подобраться, и сколько еще детей пострадает – страшно даже подумать.

Зайцы. Господи.

Прислонившись лбом к краю ванны, Лиза настороженно прислушивается к своему телу. Вроде бы ничего необычного, только немного болит голова. Наверное, из-за запаха или от волнения. А вот нежелание реагировать на слова Евгении Николаевны – это тревожный знак. Раньше Лиза как-то находила в себе силы слушать, что ей говорят на работе, и поддерживать минимальный диалог, а сейчас даже за ходом чужой мысли уследить не может. Это плохо, очень плохо. Не откат ли?

Лиза встряхивает руками, слушает звон браслетов – раз, еще раз, еще раз.

Она снова думает о Саше. Самый яркий откат в их компании. И самый неожиданный.

На первый взгляд у Саши не было никаких особенностей. Она интересовалась сексом и онлайн-шопингом, подсмеивалась над Лизиными обкромсанными до мяса ногтями и растрескавшейся кожей, наряжалась в яркое, каждый день с самого утра броско красилась, даже пару раз пыталась накрасить Лизу, но ничего у нее не вышло, конечно.

После университета Саша устроилась в какую-то контору программисткой. Платили неплохо, жила Саша с родителями, на улицу выходила, только чтобы встретиться с друзьями. Они с Лизой иногда гуляли по выходным, и Саша рассказывала, как познакомилась с очередным мальчиком – в Сети, разумеется, – и что они друг другу пишут. Охотно и многословно обсуждала с Лизой подробности собственной мастурбации – и Лизу научила трогать себя так, чтобы получать не то чтобы удовольствие, но по крайней мере разрядку – без отвращения к тому, что этот процесс сопровождает. Отлично зная, какого рода книги предпочитает Лиза, будто назло пересказывала ей простенькие любовные романы. Хотя Лиза часто бывала в ужасе от Сашиних поступков и от собственных на нее реакций, хотя между ними не было совершенно ничего общего, кроме диагноза, Лизе хотелось быть такой, как Саша, – легкой, веселой. Стабильной. Наверное, именно из-за Сашиной стабильности ее родители решили, что могут позволить себе развестись.

На фоне скандалов, сопровождавших развод, Саша вдруг начала заикливаться. Десятки минут она снова и снова повторяла одно и то же – рекламный слоган или цитату из Библии. Эти повторяющиеся фразы шрамировали Лизу изнутри. Уходя к себе, она уносила их с собой. “Привыкайте к хорошему”, – еще долго на разные лады твердил Сашин голос в Лизиной голове, вытаптывая ворс слов до бессмысленной звуковой основы, пока не сменился на “А Я говорю вам: не противься злему”.

Сашины родители усилили лечение. Засуетились. Кажется, даже съехались. Но стало только хуже – Саша засела дома. Она еще отвечала друзьям, но на улицу больше не выходила – говорила, здания снаружи невыносимо давят на голову. Ей все время казалось, что стоит выйти, и они схлопнутся над ней, как стенки картонной коробочки. Коробочки. Коробочки.

Саше привозили разнообразных врачей, но и это ухудшило ситуацию: Саша замолчала. Общаться с ней теперь можно было только письменно. Какое-то время она еще могла отвечать на сообщения, и Лиза писала ей не переставая, боясь, что и эта ниточка прервется, захлебываясь в собственных мыслях, и даже не сразу заметила, что Саша больше не читает ее слова, хотя рядом с ними исправно загорались двойные зеленые галочки. Может быть, она и просматривала буквы, кто же знает, но никак не реагировала на написанное, а в ответ на любое сообщение писала: “Страшно и тяжело. Страшно и тяжело”. Много-много раз писала, пока в глазах не заребит читать.

Лизе и самой было страшно и тяжело, но она все равно читала. Ей казалось, что, если она перестанет читать эти бесконечные сообщения, Саша узнает об этом и больше никогда не напишет, так что Лиза аккуратно прочитывала целые экраны повторяющихся слов, от и до – и заодно подсчитывала количество итераций.

Однажды она насчитала четыреста девяносто девять. Такая незавершенность сама по себе была неприятной, пугающей. Лиза напряженно ждала пятисотого сообщения. Важно было дожидаться, не прервать цепочку своим ответом. Но Саша не написала больше ни слова.

Одиннадцать дней Лиза не могла найти себе места, а потом все-таки пошла к Саше домой. Дверь открыла Людмила Васильевна. Ее глаза превратились в полупрозрачные раздутые щелочки – будто пчелы покусали. Она не пригласила Лизу войти. Сказала, что Саша в больнице. Лиза отступила на шаг, и Людмила Васильевна просто закрыла дверь перед ее лицом. Всмотревшись в ободранный дерматин закрытой двери, Лиза увидела брезентовые носилки на двух алюминиевых трубках и Сашу, лежащую на них – почему-то лицом вниз. Лиза спустилась по лестнице, провожая носилки, и пошла домой. С того момента прошло четыреста восемьдесят шесть дней. Где теперь Саша, узнать не смог даже Илья, хотя он обладал способностью разыскать человека и на дне морском – конечно, если самому Илье при этом не пришлось бы выходить из дома.

Слов нет, Лиза гораздо стабильнее, чем Костя или тот же Илья, но оказаться на месте Саши боится не меньше, чем они. Лиза вдруг понимает, что хотела молчать не только потому, что опасалась лишиться работы. Больше всего ее пугала – и пугает – перспектива отката. И то, что будет с бабушкой, когда она потеряет еще и внучку. Хоть бы не дожила.

Внезапно Лиза чувствует, как давят на нее стены ванной, обложенные пестрой кафельной плиткой, а выше плитки покрашенные светло-желтой, нелепо теплой краской. Они будто теснят ее: стоит ей оставить без внимания одну из стен, другая становится уже – не слишком заметно, буквально на одну плитку. Любопытно даже: не так ли было с Сашей? Осознавала ли она вообще, что с ней происходит?

Лиза сидит на полу, переводит взгляд с одной стены на другую, сбиваясь, пересчитывает оставшиеся плитки, – пока не начинает неприятно пульсировать в щиколотках. Тело буквально заставляет Лизу встать. Она стаскивает перчатки, ополаскивает руки, осторожно проводит влажным полотенцем по щекам. Пора заняться чем-то другим, пока ее не вынесли из квартиры лицом в брезент. Не навестить ли коллекцию?

Павлик всю жизнь собирал эти стеклянные фигурки. Теперь они пылятся в застекленной витрине, а новые появляются все реже. Раньше хоть сын иногда присылал что-нибудь новенькое или Никита приносил, но в последнее время, стремительно распадаясь, Павлик совсем потерял к коллекции интерес. Правда, избавиться от нее он не дает, хотя Евгения Николаевна – яростный противник хранения ненужных вещей.

Падающий сбоку солнечный луч подсвечивает крупные пылинки, покрывающие стекло. Лиза много раз видела, как красиво светится пыль, но сейчас от этого зрелища просто глаз не оторвать. Лиза распахивает дверки витрины и тихонько дует на фигурки – и они отзываются едва слышным звоном, такой у них с Лизой обычай. Пылинки взмывают в воздух, кружатся на солнце, сияя и переливаясь, и потихоньку возвращаются на свои места. Нечего фигуркам делать на помойке. Нужно все-таки собраться с мыслями и попросить Евгению Николаевну: если станут выбрасывать, пусть лучше Лизе отдадут. Она разрешила бы их навещать.

Лиза наливает в небольшой таз теплой воды, разводит в ней несколько капель феири – аккуратно, чтобы никакой пены, – и начинает купать фигурки по одной, бережно и осторожно. Дракон. Уточка. Юная девушка в платье колокольчиком. Старые Лизины знакомцы, почти друзья.

Наконец она доходит до дальнего правого угла и почти на ощупь выуживает оттуда незнакомую фигурку. Даже через перчатку Лиза чувствует довольно болезненный укол, разжимает руку – на ладони лежит увесистый снеговик с носом-морковкой. Этим-то носом и укололась Лиза. Почти веретено, как в сказке. Лизе смешно. Даже веретена-то ей не досталось приличного. Сейчас упала бы и уснула вечным сном – прямо в чужом доме, – и пусть бы все дальше

сами разбирались. Вот было бы здорово. Положили бы Лизу на диван, кормили бы кашей через нос. Невозможно смешная картина. Не сдержавшись, Лиза смеется в голос.

Аккуратно – и с ощутимым удовольствием – Лиза купает новичка в тазу. Ей приятно делать красивое чистым. Снеговик гораздо грязнее, чем другие фигурки, и по воде идут едва заметные серые круги. Воду после него придется менять. Откуда только взялся такой? Странно. Если бы Слава прислал, Евгения Николаевна и Павлик уже бы ей уши прожужжали про него. Да и не прислал бы он такого замызганного – судя по посылкам, он аккуратист почище Лизы. Если бы Никита принес, тоже показал бы. Он любит хвастать необязательными хорошими поступками.

Выкупав снеговика, Лиза аккуратно полирует его сухой салфеткой и любит игруй стекла – все три шара, из которых он состоит, граненые и в благодарность за заботу разбрасывают по стенам целые фейерверки радужных искр. Очень красиво, не хуже бриллианта. Нужно Павлику показать.

Вдруг ее пальцы натыкаются на что-то странное. Лиза разворачивает снеговика спиной: на среднем шаре – два выпуклых вертикальных рубца, расположенных немного под углом друг к другу. Они слегка стерты – давным-давно что-то явно откололось в этих местах. Вот странно, думает Лиза, если снеговик падал, как же тогда уцелела морковка?

Лиза вглядывается в фигурку и видит маленького мальчика, который, дрожа, пытается приклеить что-то к снеговiku. Прищурившись, Лиза понимает, что это маленькое неровное крыло. Рядом торчит совершенно целое второе.

Но вот в комнату кто-то входит. Лиза видит только огромные ноги, больше ничего. Мальчик камнеет, по щеке его скатывается одна, потом вторая слеза. Человек, чьи ноги видит Лиза, хватается снеговика – свежеприклеенное крыло снова отваливается, – сжимает его – так, что он почти полностью скрывается в ладони, – и изо всех сил бьет мальчишку по голове. Во все стороны брызжет кровь.

Секунду спустя Лиза с облегчением понимает, что ранен не мальчик – второе крыло обломилось, и обломок впился в ладонь нападавшего. Кровь стекает по граненому стеклу, это очень красиво, глаз не оторвать.

Отброшенный со страшной силой снеговик летит прямо в стену. Что происходит потом, Лиза уже не видит, но ей кажется, она слышит крик мальчишки.

Бывает очень сложно отличить происходящее сейчас от произошедшего тогда, поэтому Лиза не сразу понимает, что осколки, разлетевшиеся по всей гостиной, – это не тогда, это сейчас. Они вокруг нее.

Это она разбила снеговика.

– Стой, где стоишь, – кричит Евгения Николаевна темно-синим, почти черным тоном. – Не поранилась ты? погоди, не шевелись!

Странно. Лиза уже съежилась, как тот мальчишка, приготовилась, что сейчас будут кричать и, возможно, снова выгонят. Но, кажется, Евгения Николаевна кричит не потому, что сердится. В ее тоне Лиза различает бабушкины интонации и вдруг осознаёт: Евгения Николаевна беспокоится не о разбитой фигурке, а о ней! О Лизе!

Быстро-быстро перебирая ногами в присланных сыном дорогуших шлепанцах, будто не боясь их испортить, Евгения Николаевна бежит с веником и ловко кидает его Лизе. Удивившись еще больше, Лиза ловит веник – в нескольких сантиметрах от таза. Не хватало поверх осколков еще мыльную воду разлить.

На шум из спальни выезжает Павлик.

– Что-то разбилось, я слышал, – скрипуче сообщает он.

Евгения Николаевна наклоняется и поднимает с пола отколовшуюся морковку.

– Смотри, что я нашла. Странно, что это было?

Павлик аккуратно берет морковку с ее ладони.

- Что это было, Лиза? – спрашивает он.
- Снеговик, – помедлив, отвечает Лиза.
- Откуда он взялся-то? Сроду никаких снеговиков у меня не водилось. Ерунда какая-то!

Собери как следует.

Павлик аккуратно опускает морковку на подлокотник дивана. Лиза не согласна, никакая это не ерунда. В ней еще вспыхивают фейерверки снеговика. Ей хотелось бы рассказать Павлику, какой прекрасной была эта фигурка, но пока она собирается с силами, чтобы заговорить, момент упущен – Павлик уезжает рассказать о произошедшем Никите, а Лиза вдруг решает приберечь снеговика для самой себя.

Осторожно шагая между хранящими отголоски искр осколками, она пробирается к дивану, бережно, как светящуюся пылинку, снимает морковку с подлокотника, пару секунд задумчиво катает между пальцами, остро ощущая каждый микроскопический выступ, заново переживая гибель снеговика, и наконец пристраивает в пустой левый кармашек – было бы неправильно селить ее вместе с запонкой.

Обернувшись на комнату, она как-то отстраненно смотрит на бликующие там и здесь осколки, затем – на витрину с отмытыми фигурками, и эта картина кажется ей смутно знакомой. Осколки – и упорядоченность маленьких бесполезных фигурок. Где-то она видела что-то подобное. Совсем недавно.

Лиза аккуратно затворяет створки витрины. Не хватало еще что-нибудь разбить.

Эпизод 2265

Евгения Николаевна торопится на почту за пенсией. Никита одевает Павлика гулять. У Лизы всего час, может, час с небольшим, чтобы переменить постели, продезинфицировать сантехнику, тщательно вычистить ковровое покрытие в комнатах Евгении Николаевны и Павлика, перегладить накопившееся чистое белье.

Она выметает осколки, проходит весь пол влажной тряпкой и затем выбрасывает ее: важно собрать самую мелкую стеклянную пыль, если она осталась, но после такого тряпку уже не отполоскать.

Лиза очень боится разбитого стекла. В детстве бабушка объяснила ей, что швыряться посудой нельзя, потому что от любого осколка можно умереть. И теперь каждый раз, когда рядом с ней что-то разбивается, Лиза представляет, как кто-нибудь вдыхает или проглатывает маленькое стеклышко и оно прорезает мягкие ткани, внедряется в крошечный сосуд и беспрепятственно проходит по большому кругу кровообращения прямо к правому предсердию, а уж там-то учиняет кровавую резню. Лизе не хочется, чтобы резня случилась в бабушкином сердце, ему и так нелегко приходится, поэтому домой она купила пластиковую посуду, которая при ударе распадается на понятные треугольники, а стеклянную и фарфоровую бить перестала. И тут вот на тебе.

Убирая осколки, Лиза регистрирует, что немного сердита на снеговика. Не может быть такого, чтобы с ним не было связано ничего хорошего. Почему же он показал ей только этот момент? Был ли он последним в его истории? Должен же такой красивый снеговик хоть кому-нибудь принести радость? Почему она не увидела эту радость? Возможно ли, что снеговик вообще соврал ей? Как бы то ни было, сейчас думать об этом уже некогда.

Лиза торопится – проковырялась с уборкой, времени все меньше. Быстро-быстро она сдергивает с кровати одеяла и радуется, вспомнив, что Павлику сегодня белье менять не надо, но тут же мрачнеет, сообразив, что нужно еще успеть поставить кипятиться белье из ванной.

Лиза работает быстро. Она постепенно успокаивается и даже чуточку радуется своим четким и ловким движениям. Она меняет наволочки на кровати Евгении Николаевны, заодно моет и возвращает под подушку кристалл дымчатого кварца – Евгения Николаевна убеждена,

что именно благодаря ему ее сон безмятежен, как у младенца. Лиза знает, что кристалл тут ни при чем. Скорее стоило бы положить под подушку ту серебряную фляжку, из которой то и дело отхлебывает Евгения Николаевна, когда думает, что ее никто не видит. Лиза отщелкивает резинки простыни с матраса и мгновенно скомкивает полотнище в плотный шар. Минута – и белье упихано в стиральную машину. Осталось только добавить к нему то, что киснет в ванне, – и можно запускать.

Лиза привстает на цыпочки и оборачивается вокруг своей оси.

Как она поймала веник, а? Здорово! Направляясь чистить ковры, она пытается перекинуть из руки в руку увесистую щетку, и в первый раз щетка больно бьет ее по руке, второй раз падает, третий раз плюхается прямо на свежестеленную кровать, зато в четвертый раз Лиза умудряется поймать щетку приблизительно в тридцати семи миллиметрах от пола – изящно наклонившись, вытянув правую ногу назад для баланса – почти как Ясина балеринка. Лиза смеется. Ловкость – это красиво и важно. Мозг может быть доволен собой.

Вывалив на кресло рядом с гладильной доской гору чистого белья, Лиза привычно подсчитывает, сколько комплектов она переглаживает в год – только для Кузнецовых получается триста двенадцать. И каждый раз она собирает белье по комплектам и складывает аккуратным конвертиком.

“Удивительный способ развлечься. Надеюсь, ты помнишь, что кроме тебя никто этого белья не касается? Чего ради ты так стараешься?” – каждый раз вздыхает Евгения Николаевна, один за другим выдвигая ящики комода в поисках свежей пары чулок, хотя чулки всегда лежат в среднем ящике. Что тут скажешь? Лиза старается, потому что это правильно, а правильное – приятно, вот почему.

Окончив с постельным бельем – руки летают над тканью, расправляя, увлажняя, проутюживая складки, собирая простыни, пододеяльники и наволочки в тугие и теплые, как щенячьи брюшки, конвертики и раскладывая их в ящике комода, а мозг занят решением задачи Коши, – Лиза вдруг натывается на неправильность. На что-то, чего никак не может здесь быть. Ощущение такое, будто танцуешь в хорошо знакомом просторном зале и вдруг всем телом налетаешь на внезапно возникшую посреди зала стеклянную перегородку.

Лиза недоверчиво трясет головой, уставившись в ящик, как будто это поможет убрать помехи, заставляющие ее видеть то, чего не существует. Но нет, ей не показалось.

Прямо посреди ящика лежит простыня из кабинета Владимира Сергеевича.

Чуть кремовый плотный хлопок с характерным косым рубчиком – Владимир Сергеевич не выносит ничего дешевого, поэтому простыни дорогие, запоминающиеся. Простыня сложена как попало, неряшливо – скорее, скомкана впопыхах, уголки отстают один от другого сантиметров на семь. Лиза машинально нащупывает ярлычок, пришитый к резинке у одного из уголков, – он на месте, и фирма-производитель та же. Все приметы совпадают, и Лиза перестает сомневаться.

Она разворачивает простыню, чтобы сложить ее аккуратно, и тут же плотно зажмуривается, затем открывает глаза – и зажмуривается снова, потому что на простыне, прямо посередине – одно за другим, как дорожка следов на снегу, – темнеют подсохшие пятна крови.

Лиза колеблется, прежде чем *взглянуться* в ткань. Стоит ли позволить ей рассказать свою историю? Сможет ли Лиза выдержать ее? Но любопытство берет верх над страхом, и Лиза решается: она опускается перед простыней на колени, чтобы увидеть все, что та захочет ей показать.

Минуту или две ничего не происходит, но потом пространство привычно плывет перед Лизой, и появляются картинки. На этот раз они не собраны в фильм, это не кино, а скорее нарезка кадров или фоторепортаж, без звука и движения, просто разные планы одного и того же, но, несмотря на физическое отсутствие звука, воображение Лизы дорисовывает сопение, влажные удары, неостановимый, невыносимый, неумолкающий крик мальчишки лет девяти и

едва слышные щелчки: это на простыню, барабанно натянутую на массажный стол, откуда-то сверху неумолимо падают тяжелые темные капли.

Лиза хватается простыню, сворачивает ее в плотный рулон, чтобы уместился в рюкзаке. И тут что-то вываливается из-под простыни на пол. Лиза недоверчиво пялится на свежеччищенный ковер.

Она так заботится об этом ковре, отчего бы ему не позаботиться о ней в ответ? Отчего не поглотить эту растянутую по всей длине и надорванную в нескольких местах резиновую ленту, которую она сама – Лиза готова поклясться! – выбросила в мусорное ведро в доме Владимира Сергеевича сто двадцать часов назад?

Лиза уже видела историю, которую хранит в себе эта лента, и ни за что не хочет смотреть ее снова. Глядя мимо рук, уводя от них фокус, она старательно скатывает ленту в плотный рулон – как когда-то скатывала освобожденные из кос капроновые ленточки, чтобы они снова расправились к утру.

Лиза слышит, как открывается лифт на площадке и Никита раз за разом врывается в косяк лифта, пытаясь выкатить Павлика. У нее ровно двадцать восемь секунд, раздумывать некогда. Метнувшись в прихожую, Лиза быстро-быстро запикивает в рюкзак простыню и ленту. Она еле успевает затянуть шнур рюкзака, когда дверь распахивается и в квартиру въезжает Павлик.

– Ты чего тут роешься в темноте? – приветливооранжевым тоном спрашивает ее Никита.

Отвечать Лизе некогда – она вдруг вспоминает о невыключенном уюте. Хороша бы она была, если бы еще и пожар тут устроила.

Лиза спешит. Она только-только успевает закончить с платьями, когда Евгения Николаевна возвращается домой. Перекинув платье через руку, Лиза отправляется в спальню Евгении Николаевны – и сталкивается с ней самой. Щеки ее разругались с улицы, она улыбается, едва переводит дух, плюхается на только что застеленную кровать, на которой секунду назад не было ни морщинки, и вдруг говорит:

– Получила к Новому году праздничный перевод от Славочки. Зашла в магазин с косметикой и купила себе дорожные духи. Сто лет не покупала, знаешь. А тут у нас с Павликом вроде как годовщина на днях... Нравится тебе?

– Слишком резкий запах, – отвечает Лиза не задумываясь и в подтверждение своих слов чихает, даже не успев прикрыться.

– Чего ты так шарахаешься от меня? – смеется Евгения Николаевна. – Будто я гоняюсь за тобой с флакончиком, чтобы обрызгать с ног до головы.

Лизу заметно передергивает. Евгения Николаевна смеется еще громче.

– Ну и странная ты девица, мать. Зато за духи не волнуюсь – точно не умыкнешь.

Евгения Николаевна снова смеется. Она сидит на кровати, болтая ногами как маленькая, и Лиза, совершенно не понимая, что смешного в том, что ее нельзя заподозрить в стремлении к воровству, тоже заставляет себя улыбнуться – и тут же вспоминает, чем набит ее рюкзак, и потихоньку отступает к шифоньеру.

Вдруг она ошиблась? Вдруг это белье Евгении Николаевны? И лента ее, просто такая же? Да нет, ошибки быть не может. С другой стороны, Кузнецовы никак не могут быть знакомы с Владимиром Сергеевичем, а если и знакомы, то все равно – с чего бы ему дарить им испачканную простыню и испорченную ленту, а Евгении Николаевне, яростной противнице хлама в доме, все это, обезображенное и грязное, раскладывать в пустом ящике комода?

Лиза распахивает скрипучие дверцы, достает плечики и аккуратно развешивает выглаженные платья. И вдруг ее взгляд падает на фанерное дно шифоньера – туда, где обычно пусто и идеально чисто: ни пылинки, ни ниточки. Там, словно на подсвеченной прожекторами сцене, лежит ее давний знакомец – разорванный, будто разгрызенный пополам кожаный ремень, застегнутый на крупную металлическую пряжку в виде быка.

После всего увиденного история этого ремня кажется Лизе настолько бесчеловечной, что она отпрыгивает от шифоньера с криком, будто ремень поднял свою змеиную голову и атаковал ее из-под платьев.

– Что случилось? – кричит Евгения Николаевна из ванной, и Лиза бросается к комоду, хватая первое попавшееся полотенце, оборачивает им руку, чтобы не прикасаться к ремню, и, стараясь не смотреть, отведя подальше лицо, быстро подбирает ремень и сразу же скручивает полотенцем, обездвиживая его и обезвреживая пряжку, особенно пряжку.

Вовремя – в комнату вбегает Евгения Николаевна, на ходу сдергивая тапочек с ноги:

– Мышь? Где? Где она?!

– Или змея, – невольно отвечает Лиза, пряча полотенце с начинкой за спину.

– Змея? Ну это уж вряд ли, – выдыхает Евгения Николаевна и присаживается на край кровати – совсем не так, как несколькими минутами назад, без следа той детской улыбки на лице.

– Не было никакой мыши, да? – спрашивает она, как-то вмиг потускнев. И добавляет: – А займись-ка уже чем-нибудь полегче.

И, когда Лиза уже готова выйти из комнаты, вдруг говорит:

– Давно хотела попросить тебя прибраться в буфете.

Лиза на секунду даже забывает о зажатой в руках змее – в буфет до этого момента Лизе хода не было, он оставался последним оплотом отступающей Евгении Николаевны. В ящички она складывала купоны и оплаченные счета, а за откидной дверцей, несмотря на принципы, хранила всякий милый сердцу хлам, сосланный из капитулировавших и уже разобранных Лизой укромных уголков в общем-то небольшой четырехкомнатной – по сути, трехкомнатной, с зачем-то разгороженной на две половины детской, – квартиры.

Повернувшись к Лизе спиной, Евгения Николаевна тащит через голову свое бордовое шерстяное платье, колючее даже на вид, и, застряв в горловине, глухо говорит сквозь ткань:

– Там сто лет конь не валялся, за откидушкой под завязку всякого хлама. Боюсь открывать – вдруг выплеснется, обратно не запихнуть потом, хоть ногами топчи.

Лиза кивает. Она много раз наблюдала, как Евгения Николаевна приоткрывает дверцу, вбрасывает в образовавшуюся щель какую-нибудь вещичку и тут же захлопывает и ловко проворачивает вечно торчащий в скважине ключ.

Наконец Евгения Николаевна вырывается из платья и отбрасывает его на кровать. На ней остается только белье: тошнотно розовый стеганный лифчик из атласной синтетики с широкой пластиковой – видимо, вечной – застежкой на спине и отделенные узкой полоской налитой пятнистой плоти не менее розовые хлопковые трусы – огромные, вместительные. Поверх трусов – древний пояс для чулок, к которому Лиза совсем недавно пришила новые резинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.